

Пограничные полномочия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Надежда Верещагина

18+

Надежда Верещагина

Пограничные полномочия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50935653

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец XXI века. Оставшийся без напарника капитан Кузнецов несёт службу на пограничном кольце в двадцати световых годах от дома, контролируя трафик ближайшей червоточины. На Земле его ждут близкие друзья, а в космосе присутствует угроза, информацию о которой командование скрывает. На планету пограничной заставы запрашивает аварийную посадку звездолёт соседней цивилизации. Пришелец на борту вызывает необъяснимое доверие. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	4
28 августа 2096 года	4
29 августа 2096 года	8
17 сентября 2096 года	12
15 ноября 2098 года, Земля	28
18 сентября 2096 года, Ёжик	43
27 ноября 2098 года, Земля	55
18 сентября 2096 года, Ёжик	69
29 ноября 2098 года, Земля	80
20 сентября 2096 года, Ёжик	91
31 декабря 2098 года, Земля	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Надежда Верещагина

Пограничные полномочия

Часть 1

28 августа 2096 года

В верхней секции условного шкафа тоже ничего нет.

Куда я его засунул?.. Белые стены, белый пол, белый потолок. Настроить по-другому несколько лет лень. Шкаф, стол, кровать – минимализм. Умудрился потерять здесь блокнот. На Земле и не подозревают, что тест на когнитивные способности я уже вряд ли пройду с прежним результатом... А! Он в промежуточном отсеке! Я же там... хех... горы рисовал, разглядывая через иллюминатор. То есть делал то, чего не умею никаким из возможных хоть обычных, хоть высокотехнологичных способов. А значит, блокнот подходит. Антикварная вещь – Алекс Тихорецкий подарил... И у меня есть ещё целых два года, чтобы придумать, как ему за это получше отомстить.

В «коридорчике» базы снова вглядываюсь в контуры пейзажа за окном. Если закрыть один глаз, местное небо окончательно теряет объём и кажется промежуточным наброс-

ком на плохо покрашенном тёмном фоне. Если открыть оба – разительно реальнее не становится. Я настолько далеко от дома, что не выходит ни как следует растеряться, ни осмыслить степень полученной свободы, ни уложить этот ставший непомерно значимым кусок пространства в голове.

Шесть лет – именно столько, по расчётам специалистов, можно проторчать в небесах в двадцати световых годах от жизни без последствий для психического здоровья. То есть... без необратимых последствий. В общем, это вам не с Марса астероиды расстреливать...

Отпуск на Землю не положен. «Возвращение к службе на погранкольце после короткого перерыва грозит критическим выгоранием». Информация в открытом доступе. Мог бы и насторожиться, подписывая контракт... Но в длительной изоляции виделись только плюсы, не война же... А на деле... И зачем меня сюда понесло?! Ну... за это хорошо платят. И... всегда старался скрыться от людей, остановиться и подумать. Задержаться, затормозить, раздвинуть тесные стенки секунды и как будто что-то вытянуть изнутри. В обычном мире время течёт быстрее. А здесь... Но уже через четыре месяца мне хотелось сбежать. К чёрту тренировки: подготовить к такому нельзя. Держало единственное, что всегда может заставить геройствовать, – нежелание казаться слабым в собственных глазах.

Межняковахватило на две трети срока: открылась язва желудка. Идиопатическая... Вроде и пустяковый диа-

гноз, даже здесь. Можем синтезировать любые медикаменты. И на базе есть робот-хирург. Но хрен. Не спасало. Понять бы, какой закон природы срабатывает каждый раз, когда приходит маловероятный головняк и катит за собой целый ком обстоятельств ещё похлеще. Командование решило отправить больного обратно, а меня – на два месяца оставить одного, ждать итогов подготовки следующего новобранца. Потому что – я даже не удивился – в текущем резерве не было никого: запасных пришлось в полном составе перебросить на Бурую после июльского ЧП...

По-человечески не попрощались с Серёгой, так мы были раздражены. Не знаю, ради чего он вообще здесь был: с его-то выслугой мог бы безбедно жить в своей Москве... Да не мог он: как и я, искал возможности смыться от бегущего времени, всегда стремился действовать на месте и сам – и представлять себя причиной. А как только исчез из виду, уносимый высланным с Земли кораблём, я окончательно вышел из себя. Но меня никто в тот момент не видел, потому выходил из себя я про себя...

Почему всегда так? Стоит только начать выбирать пути потяжелее, и судьба подкидывает тебе ещё и бонусных проблем. Смеюсь сам над собой: от кого ожидал награды?

Точнее – пытаюсь не рассмеяться. Кажется, я делаю это бóльшую часть жизни – пытаюсь не рассмеяться. Даже непонятно зачем. Ведь очень похоже на то, что, если выключить серьёзность, картонный антураж рассыплется и можно бу-

дет увидеть смысл – на самом деле. На самом деле, конечно, нет...

Но Ритка бы сказала, я сейчас просто рисуюсь. Улыбаюсь, представив её комично разгневанное лицо. А вот и напрасно... Здесь ведь больше никого нет – как в таком случае рисоваться?!

Надо наконец отправить ей обещанные голограммы местного мини-вулкана... И карикатуру на Тихорецкого, которой я по-настоящему горжусь!

29 августа 2096 года

Я по-настоящему горжусь теперь ещё и тем, что мне всё-таки удалось сфотографировать огнедышащую сопку – причём именно сфотографировать: сделать двумерный кадр, передающий разъярённую гору точно такой, какой она выглядит в моих глазах.

Поднимаюсь с покрытого жёсткой растительностью пятка – и почти падаю, для равновесия вогнав в тонкую почву кулак. Не замечал в поиске удачной точки съёмки: ноги затекли так, что в первую секунду кажется, дальше я не смогу сделать ни шагу.

Это всегда только кажется. Особенно если тебе некуда деваться...

Сегодня тридцать девятый день моего вынужденного одиночества. Начинаю воображать, как разговариваю с Межняковым, сочиняя ответы в его духе, а что ещё хуже – радуюсь репликам, предельно похожим на манеру этого разгильдяя выражаться. Добравшись до «Подумаешь, всего четыре промаха», «Успеем, куда торопиться?» и «Починим внешнее освещение завтра. Не хочешь поиграть в бадминтон?», изгоняю поселившегося у меня в голове мини-Межнякова и одобряю текущее положение дел.

На обратном пути держусь низко над поверхностью планеты, поминутно лихо уклоняясь от вырастающих прямо

по курсу остроконечных пиков, с ехидным наслаждением представляя, что сказали бы на Земле о таком уровне риска при управлении летательным аппаратом. Риска не для меня: автоматика успеет так или иначе вывести пилота из-под удара. Риска для зверски дорогой штуковины под названием «Гермес-816-2». На самом деле и для неё никакого риска нет: для сведения его к нулю предназначен мой мозг. Но в мозги у нас на Земле принято верить гораздо меньше, чем в автоматику...

Сигнал тревоги – хорошо хоть учебной – застигает меня в десяти минутах лёта от базы. Набираю высоту и не снижая скорости вступаю в диалог с генерируемым программой неопознанным кораблём. На этот раз всё просто: виртуальный звездолёт никак не реагирует на запросы – и я даю команду уничтожить его.

А потом, отгоняя мучительную усталость, ускоряюсь до предела. Через несколько минут бессильно вваливаюсь «домой».

Всего один шаг в главный отсек – и подступает. Будто извне, будто кто-то со стороны указывает на до сих пор ускользавший от понимания, но убийственно непреложный факт...

Сползая на пол по ближайшей стене, не испытываю ничего, кроме глубокой ясности: всё, что меня окружает, не может быть реальным. Не только здесь, но даже если бы я был на Земле. Всё это – люди, действия, здания, аппараты, физи-

ческие законы, звёзды, Вселенная и гравитация – попросту смехотворно. Ничего нет.

Осмысление несуразного обстоятельства засасывает куда-то за пределы причинно-следственных связей. Судорожно стараюсь нащупать берега. Ничего нет... Что-то же должно быть! Я? Глупо. Меня уж точно нет. Оглядываюсь на Вселенную – точнее, пытаюсь ухватить понятие Вселенной... Но двигаться в таком направлении не стоило совсем. Потому как Вселенной не существует определённо. Как можно было не видеть раньше? Прошибает холодный пот. Снова кидаюсь к идее себя – может быть, эта мысль не так уж и нелепа? Что происходит?!

Я ведь знаю что. Опять.

Приступ дереализации.

Словесная форма даёт облегчение. С напрягом нащупываю пол и допускаю его осязаемость. Как минимум. Резко поднимаюсь, непостижимым сверхконтролем заставляю себя упаковаться в кресло и выхожу на связь с Землёй. А точнее, с Риткой.

«Лови вулкан».

«Отличная фотка, Ваня! У нас сегодня сумасшедший дом какой-то был, я только прибежала домой и упала! Нет сил пошевелиться! Но! Вылечили Серёжку! Я сама пересмотрела файлы – нет у него больше никакой язвы! И ничего особенного не делали, само прошло! Наверное, ему очень хотелось вернуться домой! Но конечно, пока на базу его не от-

пустят... А может, и никогда! Надеюсь, с тобой хотя бы всё в порядке... Джек разгрыз сумку-шарф, которую Тарасова подарила. Хи-хи! Как всегда, молодец!»

«Скучает один».

«А ты? Конечно, не скажешь ничего, но, по-моему, ты настоящий герой! Я бы так ни за что не смогла! Снится постоянно, как прилетаю тебя навестить! Нас там преследуют всякие чудовища. И тулисианский суслик, хорошенький такой! А ещё будто я могу подняться к тебе по лестнице, прямо отсюда, но у неё всегда не хватает нескольких ступенек – и я проваливаюсь в открытый космос! Кстати, „Звёздный след“ запатентовал новую модель скафандра... Выглядит так, как будто никакого скафандра вообще нет. Представляешь, ты в открытом космосе как будто без скафандра! В общем, держись там! Помни, мы с тобой – и я, и Алекс. Он же вообще слова из себя не выдавит!!»

«Посмотри, я на него шарж нарисовал».

«Ваня, ну просто нечто!! Даже не могу решить, показывать ему или нет».

«Сам покажу, ладно? И я не собираюсь останавливаться!»

«Всё рассматриваю вулкан, какая мрачная планета! Как ты там уже пятый год выдержишь?»

«Прости, отключусь пока. Компьютер не даст мне сегодня расслабиться».

Я не лгу: прервать целебную болтовню заставляет учебный сигнал тревоги – корабль в подконтрольной зоне.

17 сентября 2096 года

Сигнал тревоги: корабль в подконтрольной зоне. Бегу в главный отсек, по дороге принимая сообщение – текст на межпланетном символьном языке («морская азбука», как мы с ребятами его прозвали): «Разрешите посадку. Техническая неисправность». Падаю в кресло съёжившись. Слишком прохладной на ощупь стала его поверхность: перестарался со снижением температуры в помещении. Не имеет значения – сейчас станет жарко: тревога не учебная – придётся по-настоящему поработать.

Заявляю стандартное «Сообщите ваш идентификатор и траекторию. Дезактивируйте бортовое оружие и передайте доступ к управлению моему компьютеру» и запускаю сканирование звездолёта непрошенных гостей.

Посудина в стиле глубокого ретро... К счастью, насколько мне известно, производства дружественной цивилизации. Но если внутри такой же прошлый век, как и снаружи, то хрен его знает, где этому музейному экспонату подмахнули техосмотр. Потому бессмысленно предполагать, кто может оказаться внутри.

После тысяч часов тренировок и четырёх лет дежурства по вынырывающим из ближайшей червоточины тарелочкам я отреагирую на любую подобную ситуацию даже во сне:

«Сложность посадки класс В: чрезвычайно гористая мест-

ность. Отключите автопилот. Бездействуйте. Я посажу корабль».

Хорошо хоть, по данным моего компьютера, технических препятствий для манёвра нет. Что у него за неисправность там? Отвлекаюсь на отчёты о состоянии звездолёта и просчитываюсь с оптимальной траекторией. Проклятая страсть делать всё вручную... Двадцать метров от обрыва на краю дико глубокой расщелины, которую мы с Серёгой окрестили Марианской впадиной. Ладно, хотя бы не на скалы.

«Покажете пляж, капитан?» – вроде бы острит неподвижный визитёр. Да чтоб его... Нелепый юмор на символической азбуке. Думал, только из меня это вечно прёт... Как бы то ни было, многообещающее начало...

Наконец включив трансляцию визуального образа, пришелец сопровождает адресованную мне улыбку приветственным жестом, похожим на смазанную попытку покрутить пальцем у виска. Фу-у-ух... точно, тулисианец. Самый мирный из возможных вариантов.

«Состав экипажа?» – продолжаю допрос.

«Только я».

«Оставайтесь на месте. Буду через восемнадцать минут».

Грубо разворачиваю кресло и сжимаю виски: не по инструкции – оставляю базу, впустив на планету чужой корабль. Спонтанное желание живого общения перевешивает здравый смысл. Назовут потом этот синдром моим именем...

Бегом нацепляю скафандр, прыгаю в самолёт и направляю его, ладно уж, по пути с минимальным расходом энергии.

Снаружи назревает так называемый закат.

За буквы ЮОН перед числовым кодом, который я никогда не запомню, в новой классификации небесных тел, за чем-то введённой на смену той, которую мы кучу лет учили в школе, а также за адского вида скалы вулканического происхождения, покрывающие большую часть поверхности, мы прозвали планету Ёжиком. Светлое время суток здесь изредка бывает, но днём в нормальном понимании его не назовёшь. А закат на Ёжике похож на лунное затмение, наблюдаемое через солнцезащитные очки. Бездарное сравнение... Так или иначе, меньше всего он похож на закат. И это катастрофически заколебало.

Приземлившись в нескольких метрах от силуэта звездолёта, врубаю налобный прожектор и замечаю устроившуюся на камне широкоплечую фигуру, повёрнутую вполоборота. Копна неестественно светлых волос инопланетянина резко очерчивается моим фонарём на фоне тёмного пейзажа, как парик допотопного актёра в выхваченном софитами нуарном антураже старинного фильма.

– Добро пожаловать, – транслирую по-тулисиански, активировав переводчик.

– Добрый вечер, – неожиданно отвечают мне голосом порусски, на редкость варварски обращаясь со звуками.

– Д-ду... do you speak English?

Всякие межпланетные искатели приключений, бывает, более-менее владеют нашим английским, но вот попытки воспроизводить альтернативную земную речь в космосе слышу впервые.

– Как видно, русский – ваш родной язык, – всё с тем же нестерпимым акцентом заключает собеседник, развернувшись полностью и патетично указывая мне на грудь: именная надпись на скафандре выполнена в том числе и на кириллице.

– Да, но вам... будет проще общаться хотя бы по-английски? И у вас... очень плохое произношение, – признаюсь я.

– Если вы будете откликаться, это мало-помалу пройдет. У меня... испортился принтер, а... блок межзвёздной навигации... барахлит. Если же... дрейф в открытом космосе... было бы неудобно. Всё слегка... как это... разладилось... кувырком?..

– Вышло из-под контроля.

– Вышло из-под контроля, да!

Что ж, надо проверить... Сбежав в «Гермес» и вооружившись сканером, изучаю корабль, постепенно увлекаясь: давно не встречал настолько старый и одновременно дееспособный экземпляр.

Не заметив внешних повреждений, забираюсь в рубку: здесь всё такое винтажное на вид, что кажется, обстановка просто обязана источать запах натуральной кожи и чего-то ещё из музейного хранилища. Но снимать шлем, чтобы убе-

диться, я не собираюсь: и так уже превысил лимит по нарушению должностных инструкций.

Выясняется, что блок-то починить получится быстро, а вот с диагностикой и восстановлением принтера такой старой модели намечается головняк. В то же время обречь гостя на астрономические расходы – доставку запчастей в космическом пространстве в случае поломки на борту – бесчеловечно.

Пока вожусь с техникой, наблюдаю на экранах, как пришелец продолжает расхаживать в слабом свете вокруг корабля, озираясь по сторонам.

Сколько же этот антиквариат налетал? Метнув осторожный взгляд в иллюминатор – ну не видит он меня, конечно! – собираюсь вызвать отчёты об истории перемещений. При попытке аварийным доступом сбросить код стандартной тулисианской защиты вдруг получаю решительный отказ системы. Хм... интересно. Но объяснимо. Позже разберусь.

Выползаю наружу:

– Зачем вы вообще продолжаете пользоваться такой древностью?

– Дорога как память, – с готовностью вступает в диалог, подавшись мне навстречу из уже почти кромешной тьмы.

– И... если бы не акцент... как вышло, что вы говорите по-русски?

– Я лингвист. Язык знаю, но опыта слишком мало. А вы м... пограничник?

– Ну да, мы это так называем. – Шкрябнув сканером по обшивке, захопываю внешний люк и зависаю, изучая состояние корпуса инопланетного агрегата. Вроде разваливаться пока не собирается...

– И... и как вас обучают, ума не приложу... Наберётся уже минут пять в общей сложности, как вы стоите спиной к вооружённому пришельцу... И забрались в мой корабль в одиночку в довершение всего...

– И что? – Сглотнув, не двигаюсь и ожесточённо разглядываю тёмный металл с расстояния сантиметра в три, подавляя приступ оглушительного потрясения (всё-таки занесло!). – Вы тоже сидели ко мне почти спиной!

– Я вдвое сильнее, вы же знаете? Больше того: я... как это... в полном смысле слова неизвестно кто!

Автоматически хлопаю себя по бедру, проверяя кобуру. И, нервно скрипя зубами от собственной неосмотрительности, разворачиваюсь, ожидая чего угодно.

Но слышу только смех:

– В таком разе забудьте об остальных правилах и снимайте шлем: на этой планете можно дышать.

Сам-то он безбашенно игнорирует бесполезный состав местной атмосферы.

– Недолго, потом могут возникнуть проблемы. В любом случае я не буду снимать шлем, – кое-как возвращаю себе иллюзию контроля над происходящим, но мысль, что произошло именно то, о чём предупреждали психиатры в шта-

бе, не оставляет: изоляция даёт о себе знать. А ведь в учебных тестах у меня были прекрасные результаты...

Хочется добавить: «И отдайте мне ваш бластер», но меня одолевает очередная глупость (азарт? слабость?) – и я про изношу только:

– Пора лететь на базу. Трудно представить, что это возможно, но через полчаса здесь станет ещё темнее.

Заняв кресло в моём космолёте, пришелец сам отстёгивает кобуру и с глухим стуком бросает её на переднюю панель, объясняя:

– Компьютер на вашей базе... едва ли в такой же мере легковерен.

Он не знает, что местный искусственный интеллект может, если мне понадобится, действовать как угодно. Но хотя бы по этому поводу у меня хватает ума промолчать.

У меня хватает ума промолчать и только дёрнуть его за локоть, не позволяя ступить дальше входного люка. Стараюсь сообразить, эффективно ли я, впопыхах активируя коды, вывел своего внезапного гостя из зоны видимости системы и как вообще разместить его здесь на какое-то время, не оповещая об этом командование. На черта именно так – тот ещё вопрос. Некоторые вещи кажутся непререкаемо правильными с самого начала. Чем они заканчиваются... тот ещё во-

прос.

– Иван – значит Ваня, да? – тыча пальцем в надпись у меня на груди, вопрошает тулисианец.

– Да, но только для тех, кто способен произнести это без искажений. А... ты?

– Том.

– М-м... земное имя?

– У нас одно время была мода.

Вот же бред...

– Ладно. Скафандр – сюда. База функционирует в ритме земных суток. Если ты плохо учился в школе – они примерно на четверть короче тулисианских. Тренировочная система имеет обыкновение будить меня в пять утра по-нашему, а мне потом ещё весь день работать, поэтому твоими поломками займёмся завтра.

Молниеносно избавившись от скафандра, почти вбегаю в главный отсек и с налёта обрушиваюсь в кресло. Что я творю, что я в который раз творю... Корабль пришельца вне опасности, по инструкции я должен был оставить его самого на борту до устранения поломки. С вероятностью девяносто процентов технический робот справится с задачей до утра без моей помощи. В крайнем случае для таких скитальцев у нас есть специальный изолированный модуль, как мини-

мум потому что карантин... И потому что «это военная база, а не детский сад, Кузнецов». В ушах так и гудит голос полковника Гончара.

Запихивая бластер Тома в сейф, уговариваю себя: опасность мне не грозит. Поколебавшись, бросаю туда же и свой. всё равно воспользоваться им во внутренних помещениях базы – откровенное безумие. Я не рассчитывал на такой поворот сюжета и не смогу предотвратить передачу на Землю данных о применении оружия. И даже хорошо, что не смогу.

Спокойно. Всё под контролем. Что мне может угрожать, кроме инопланетного существа, вдвое превосходящего по мышечной массе...

– Неразумно было нарушать ваши... предписания из-за меня...

Вздрагиваю от его голоса, совсем иначе звучащего в стенах просторного главного отсека. Этот акцент... ёлки, от него буквально вянут уши...

– Но?.. – уточняю, автоматически растирая виски, и, резко откинувшись назад, киваю ему на кресло, запакованное в стену с момента отлёта Межнякова.

– Я же не сказал «но»... – Со второго раза понимает, как выдвинуть сиденье, и неторопливо обосновывается.

Тёмно-лазурного цвета джемпер, да ещё и серьги, оплетающие мочки ушей сине-серебристыми перевитыми спиральями. Похоже на макароны, которые мой автоповар называет каватаппи. Явно он не заморачивался с подбором одежды

к фиолетовым тулисианским глазам.

– С чего ты вообще взял, что я нарушаю?

– Мне доводилось бывать в похожих местах... Здесь не предлагают гостиницу для заплутавших путников. Надо думать, ты очень талантлив, если смог... взломать компьютер.

– Взломать систему изнутри невозможно.

– А ты?.. – Аристократично раскладывает кисти на подлокотниках. На трёх пальцах из десяти – побрякушки вроде серебряных перстней.

– А я – по-прежнему не понимаю, почему должен отвечать на все эти вопросы. Как насчёт ужина? Вы же способны употреблять любую нашу пищу?

– Способны! – оживляется он. – В целом да! Не очень много я пробовал разного вашего. Но только не стручковую фасоль, пожалуйста!

– Стручковой фасоли не место в моём доме! – успокаиваю я: данный ингредиент удалил из списка предпочтений на вторые сутки пребывания здесь. – Ладно, мы сейчас запросим что-то, отдалённо напоминающее говяжьи котлеты с картофельным пюре... Но сначала мне придётся отклонить пару десятков блюд, которые этот тиран считает гораздо более полезными...

Он рассеянно кивает, и я вдруг вспоминаю, что так и не задал главный (по инструкции) вопрос:

– Ты вообще откуда летел?

– С Ахдира, с межпланетного фестиваля культур... Выступал там с докладом о степени родства языков сумальцев и ахдирцев...

– И какая же у них степень родства?

Поморщившись, отвергаю очередное заманчивое предложение автоповара – поужинать салатом из курицы и морской капусты.

– Решительно никакой...

– Хм?

После ритуальных препирательств с устройством наконец добираюсь до заветной картошки с котлетами и требую к ней ещё и контейнер с солью на случай явной разницы наших с Томом понятий о правильном вкусе.

Компьютер без комментариев выдаёт вдобавок несколько кусков ржаного хлеба – с этой моей привычкой он, кажется, смирился. Стучу ногой по полу, заставляя обеденный столик явиться, и водружаю на него тарелки.

– Надо полагать, ты можешь вообразить, какие там у них сейчас настроения... Поэтому Межпланетный союз за мир во всей Вселенной отрядил меня... Словом сказать, пришлось пофантазировать... – Перекатывает вилку по ладони, наверное, вспоминая, как ею пользоваться.

– Ну ты даёшь, блин... Мне было бы противно заниматься такими вещами... Да пусть хоть взрывают друг друга к едре-не фене...

– Они ведь... без шуток могут взорвать, и физические по-

следствия...

Я патетично взмахиваю рукой, давая понять, что плевать хотел и на физические последствия. Ну не псевдолингвистическими теориями же заниматься теперь миллионы лет...

– Хотя бы Солнечную систему ещё пацифисты не завоевали, – улыбается он, схватив кусок хлеба и принимаясь посыпать его солью, как русский крестьянин.

Долго удерживаться от смеха мне не удаётся...

Защёлкиваю заглушку иллюминатора, активирую панно, изображающее земную ночь за окном, и включаю горячий душ – собираюсь проторчать под ним до спасительного тумана на уме.

В космосе пугающих вещей – выше крыши. Поэтому мы просто перестаём о них беспокоиться... Случаи исчезновения кораблей при всяких непонятных обстоятельствах – считаю, просто домыслы – и всё объяснимо... Антропоморфность жителей ближайших планет... вдуматься – это гораздо страшнее, чем если бы они были похожи на говорящих тараканов... Хотя современная эволюционная теория этого тулисианского учёного, как его там, вроде бы приводит весомый довод... Но есть ещё такая хреновина, как раса двадцать шесть – мы не только не изобрели для неё нормального названия, но и не можем ничего делать, кроме профи-

лактической атаки при попытках контакта. Чем именно они опасны – то ли неизвестная, то ли секретная информация. На бомбардировку запросами с базы не реагируют никак, хотя – мы знаем – способны управлять кораблями других обитателей космоса – выходит, вроде как проблем с интеллектом (или там, допустим, с восприятием измерений) у них нет... Мне достаточно уже и этого, чтобы без раздумий открывать огонь.

Хорошо хоть учёные разобрались с поставкой нормальных объёмов воды на базы и даже её эффективным возобновлением до того, как я здесь оказался. В голове проясняется, когда на неё со всей силы льёт... Но кожа на подушечках пальцев уже сморщилась. Выключаю душ.

А потом всё равно ворочаюсь без сна, так что входящее сообщение даже радует. К тому же это может быть только Тихорецкий – пренебрегающий моим спокойствием и возможный в любой момент времени (на самом деле я просто не понимаю, когда он вообще спит):

«Как служба на отдалённых рубежах родины?»

«И что ты натворил на этот раз? Если уж Ритка заставила тебя написать мне...»

«Не Рита. Интуиция».

«Отшил очередного её дыхателя?»

«А ты – уже провалил оборону?»

«Пока не знаю. Угадал: она показала тебе мои картинки!»

«?»

«Ну!!!»

«Да. Но я-то умею рисовать, не забыл? Рискнёшь продолжить?»

Шарж, который он мне тут же предъявляет, называется «Покоритель глубокого космоса»: я вишу среди раскиданных в черноте аляповатых звёзд рядом с головным сенсором оборонительной системы, к которому приделана панелька, как у аэрокара, и одной рукой пытаюсь отключить автоуправление, а другой – отстреливаюсь от инопланетянина, высовывающегося из корабля, как из старинного кабриолета. На картинке я настолько похож на себя и на идиота одновременно, что приходится признать бесспорное поражение. Но мы ещё посмотрим, кто здесь по-настоящему умеет рисовать...

Открываю видеоканал, через пару секунд Алекс – тоже.

Аккуратный бардак в его квартире, простёганный кусками лунного света, накромсанного ламелями жалюзи, и насмешливое лицо самого Тихорецкого – когда я всё это видел в последний раз?.. Но изменений, которые обязаны были произойти за четыре года, не замечаю. Возможно, он набрал несколько килограммов, если, конечно, вообще на такое способен... Кажется, если Сашка вздумает поседеть или выкинуть ещё что-то в таком духе, я запросто могу осознать далеко не сразу.

– Не надейся, не остановлюсь, – сообщаю с нажимом.

Самодовольно ухмыляется – мол, нашёл чем напугать:

– Дерзай.

– Без проблем. Как прошёл день?

– Как всегда... – Опускает глаза вроде случайно, но наверняка просматривает файлы по работе (в таком ракурсе мне не видно). – Квасцов потребовал физический макет коммуникаций шестой башни. Быстрее было отвезти мой, чем выдать туда на печать. И здесь он мне только мешал.

– На самом деле им просто нечего поставить в холле, да?

– Именно... – Снова поднимает взгляд, иронично не моргая. – А с утра над Лахтой не протолкнуться...

– А ты всё ещё вне системы и без автопилота, ага?

– И по половине небоскрёба придерживаю в каждой руке.

– Чтобы части не растерять, как в прошлый раз? Ха-ха!

А рулил ты чем?

– Усилием воли...

Мои щёки намертво заклинивает в улыбательном положении – хоть кулаками обратно выталкивай. Алекс сначала расслабляется, наблюдая, а потом хмурится, едва уловимо прищуривается и мрачнеет:

– Тормози там, Кузнецов.

– Угу. И без тебя знаю!

– Ну-ну. Спокойной ночи?

– Спокойной ночи.

Почему-то сразу же проваливаюсь в сон, едва отключив связь, будто Тихорецкий произнёс какое-то волшебное заклинание.

И пробуждаюсь от сигнала тревоги: корабль в подконтрольной зоне. Пять часов шестнадцать минут утра. Всё как обычно, кроме того, что тревога не учебная.

Денёк обещает быть нескучным.

15 ноября 2098 года, Земля

Денёк обещает быть нескучным.

После возвращения с Ёжика уже третью неделю валяюсь в госпитале, увешанный высокотехнологичными датчиками. Точнее, то валяюсь, то подвергаюсь испытаниям на всевозможных тренажёрах. Судя по удовлетворённо кивающим людям в медицинских комбинезонах, служба меня ещё не доконала. А значит, сегодня должны наконец выпустить на свободу.

Звуковой индикатор сканера то и дело шуршит, возвещая появление свежих данных о состоянии моего тела. А какой-то остолоп, которому дали вволю поразвлекаться с настройками интерьера палаты, нагородил здесь удушающе-лилового беспредела, даже наверху! А ведь потолок просто обязан быть белым по закону сохранения рассудка всех времён и народов.

В дверь палаты протискивается румпель полковника Гончара.

– Кузнецов! – энергично констатирует он, будто обнаружил огромный боровик в лесу, а не человека, уже семнадцатый день находящегося на одном и том же месте.

– Ну? – реагирую, не ожидая ничего хорошего.

– «Ну»?! Что «ну», едрёна вошь?! Не «ну», а «здравия желаю, товарищ полковник»! Совсем там с катушек послетали

на своих Ёжиках!

Подбородок начинает коварно дрожать, и я закусываю губу в отчаянной попытке подавить приступ веселья.

Глядя на такую бурную реакцию, Гончар с готовностью распахивает сияющую улыбку, которая тут же сменяется озабоченным выражением лица:

– Почему у тебя в вербальном тесте результат на двадцать баллов выше среднего?

– Это что, преступление, Пётр Николаич?

– Преступление – не преступление, но эскулапы подозревают у тебя шизотипическое расстройство.

– Офигеть методика. А заглянуть в мои результаты до отлёта они не додумались? Там то же самое было!

– Говорят ещё, ты склонен к социальной изоляции...

– А разве не поэтому именно меня вы отправили на шесть грёбаных лет к чёрту лысому на рога?!

– И то верно! Ну ясно: им тут просто делать нечего целыми днями... Там новенькая, которая тесты расшифровывает, с архивом ещё не разобралась, наверное. Познакомить, а? Молоденькая...

– Спасибо, Пётр Николаич, но с понедельника ничего не изменилось: я всё ещё склонен к социальной изоляции!

– Ну как знаешь! – Делает один широкий шаг ко мне, с размаху вцепляется в плечи и остервенело трясёт вместе с кроватью – сканер при этом начинает тревожно скрежетать на одной ноте. – Спасибо за службу, Кузнецов! Два месяца

один справлялся! Первый такой случай у нас! Значит, через два года можем тебя отправить...

– Не-не...

– Ну или через шесть лет опять на Ёжик – а?

– Это – подумаю, – говорю честно.

– Молодец! – Оставляет моё тело в покое. – Отпустят тебя сегодня домой, разберусь! И... – добавляет уже тише, – не базарь там о двадцать шестой расе. Взяли моду басни сочинять!

– Как будто я о ней что-то знаю...

– Просто скажи: не видел!

Выхожу за ворота больничного корпуса без верхней одежды, потому что недалеко и потому что в земной ноябрь хочется сразу ухнуть с головой, – и тут же вижу эту живописную команду: Алекса в распахнутой зелёной куртке, подпирающего плечом припаркованный у ограды сквера жёлтый аэрокар такси, Джека на красном поводке, переминающегося с лапы на лапу, и Ритку в фиолетовом комбинезоне, в чём-то убеждающую обоих, судя по головной жестикуляции.

Завидев меня, Джек начинает заливисто лаять и вырываться от Алекса, а Ритка бегом стартует навстречу. В ноябрьском Петербурге откуда-то взялось солнце и с непривычки спит, хотя медики долго как-то там колдовали, что-

бы адаптация проходила без подобных эффектов.

Ускоряюсь и в точке пересечения наших траекторий, бросив сумку в сторону, подхватываю Ритку под мышки и отрываю от земли.

– Ваня! Я... Мы... И... Я сильно изменилась?! – выпаливает она скороговоркой, краснея в ответ на вызванную потоком усмешку.

Что за вопрос! С ней – как и с Алексом: я всё равно не замечу.

– По-моему, вообще нет... Только волосы... они стали ещё длиннее?

– Да! А ты... как это вообще?... Шесть лет!

– В мозгах не укладывается, если честно...

Алекс позволяет визжащему Джеку вырваться и галопом прискакать к нам, а сам перемещается лениво, не расставаясь с фирменным снисходительным выражением лица, фирменной снисходительной походкой и фирменной снисходительной аурой, распространяющейся вокруг метров на двести.

– Неужели меня помнит? Он же был совсем щенком! – опускаю Ритку на землю и ловлю корги прямо в прыжке – в попытке заскочить на руки без разгона.

Он тёплый и пахнет в точности как обычная собака, а ещё, прищурившись, прицеливается и ловко облепляет языком кончик моего носа. От натиска почти забытых земных ощущений рассудок плывёт и кренится... Я так и стою, прижи-

мая к себе притихшего Джека и уставившись в поверхность планеты под ногами...

– Явление Сияющего Офицера, версия сто двадцать пятая, всё ещё не исправленная, – начинает разминаться Алекс. – Прекрати играть бицепсами, китель лопнет.

– Если что-либо окажется способно порвать эту ткань... в общем, тут недалеко будет до краха всей нашей обороны. Ресторан под небесами пока ещё не обрушился? – парирую я, наконец отмерев.

– Нет, и я построил второй, поинтереснее. Проверим на прочность?

Отпускаю Джека, удерживая поводок, – он резво тянет к аэрокару. С трудом преодолеваю сопротивление, чтобы наклониться и подхватить сумку.

– Ну, – начинаю, неуверенно озираясь (в интерьере стандартного такси вроде бы ничего не изменилось). – Насколько ещё застроились в залив? Полетаем посмотрим со стороны воды?

– В ручном теперь только экстренное торможение. Остальное – для вояк и медиков. – Тихорецкий с укоризной переводит взгляд с меня на Ритку. – А человек, построивший половину города, не имеет права вырваться из сети стандартных маршрутов...

– Надо строить так, чтобы не хотелось вырываться, – зло-радствую я, оттянув заглушку аварийного бокса и запуская идентификацию по сетчатке: несмотря на то что вероятность этого ничтожна, если система с первого раза не узнает меня в лицо, проблем не оберёшься. – И вообще, у тебя есть личные средства передвижения!

– Поздравляю, товарищ майор, – хмыкает Алекс, заметив мелькнувшее в воздухе приветствие. – Погоны забыл напечатать?

– Не стал поставлять тебе лишних поводов упражняться в остроумии...

Убедившись, что дал ему доступ к управлению каром, цепляюсь за потолочные упоры и перебираюсь на заднее сиденье к Ритке. На этот манёвр развалившийся там Джек реагирует бурной радостью, а моё тело – туманом в черепной коробке: проклятая адаптация.

Чуть не забыл: оставшиеся восемь карикатур на Алекса. Специально отложил для встречи. Достāju почти не потрепаный блокнот – берёг! – и, наклонившись за спинку переднего кресла, перелистываю подряд, постепенно заставляя Риту переходить от сдержанного хихиканья к истеричному смеху. И сопутствующее этому прогрессу выражение затылка Тихорецкого – о... именно то, о чём я мечтал парочку последних лет... А нечего было делать подарки с намёками! Посмотрим, кто ещё здесь криворукий.

Даже частично переместившийся ко мне на колени Джек

лыбится во всю свою валлийскую морду.

Не даёт покоя только... запах ландышей, пробирающий до самых пяток. Постоянно забываю спросить: она, что ли, не планирует менять духи вообще никогда?

Кажется, всё... Столько земного за раз я не переварю. И зачем только именно на ароматической составляющей сейчас сосредоточился...

– Вань, ты чего?! – Ритка придвигается ближе, только усиливая концентрацию майского леса у меня внутри.

Перед левым глазом неторопливо проплывает зигзагообразная светящаяся хреновина.

Как ответить-то теперь? Кроме «просто сейчас потеряю сознание, ничего страшного»? Я не на Ёжике, она же рядом. А что ещё хуже, меня видит Алекс, моментально переключившийся на трансляцию происходящего в салоне.

И наносит ответный удар:

– Окей. Променад и пиршество отменяются. Космический герой скоро в обморок кувырнётся.

Раздражение немного приводит меня в чувство:

– Тихорецкий, я тебя сейчас тресну! Это запрещённый приём! Я же не сказал ей, когда у тебя кровь носом пошла!

– И когда это у него пошла кровь?! – Рита спихивает Джека и невозмутимо переводит моё кресло в режим транспортировки нездоровых пассажиров и, неприятно зацепив кожу на шее, привычным движением расстёгивает ворот. Кажется, беспомощность уже перестала помещаться у меня внутри...

– Когда Гусев предъявил чудо-проект тройной башни за полтора месяца до презентации в комитете, – неожиданно спокойно выкладывает Алекс. – Странно, что у меня из глаз тогда кровь не хлынула...

– И повредила бы твой этот... кибернетический транспорт в хрусталике.

– Молчи лучше... летим к Рите. Будешь выпендриваться – отправлю обратно в госпиталь. И на Ёжик тебя второй раз не отпустят.

Ничего не изменилось. Юг, третий этаж, каркас предвечернего неба – облетевшие липы, по периметру рамы – отцветающая герань. В каком-нибудь тёмном шкафу, кстати, нужно будет обустроить цветок, который я привёз с Ёжика, если его не экспроприирует Гончар. Увидел в карантине и внезапно восхитился...

Космос, вечная работа, рваный сон, выматывающее одиночество, раса двадцать шесть, еле сдерживаемые приступы – попеременно гнева и опустошения – отсюда этого всего не видно. Я как будто переключил картинку искусственного интерьера: от белых стен внутри и черноты снаружи – к стандартному земному «дома». Стало намного легче, но открытые вопросы, оставшиеся там, всё равно не выбросить изнутри...

А ещё здесь как-то по-особенному тепло – мягко, что ли, как будто я способен определять оттенки температуры окружающей среды. И звуки приглушённые: комнаты маленькие, обитая тканью мебель.

Сибарит из меня никудышный: не болото вокруг и есть куда вытянуть ноги – уже нормально. Но сюда, в средоточие уюта, прихожу целенаправленно – за тем, что органически неспособен выработать внутри себя – и без чего время от времени не могу обходиться. Последний перерыв затянулся.

Она купила квартиру в тот год, когда сорвался мой первый полёт на Ёжик. На тренировке упал с пятиметровой высоты, получил сотрясение мозга и сломал три ребра. Вылет должен был состояться через шесть недель. Но сотрясение посчитали значительным, и Гончар постановил, что я не полечу ни через полтора месяца, ни через два, на которые можно максимально отложить старт, а только через его труп. Естественно, больше всего именно этого мне тогда и хотелось... Земля к тому моменту опостылела до крайности. Так что после беседы с полковником я трое суток не мог уснуть от ярости. И только не вполне долеченные рёбра мешали вписаться в какую-нибудь компенсирующую невезение историю...

И тогда впервые оказался здесь. И уже через час вырубился напрочь прямо на полу в гостиной, а ещё через четырнадцать – проснулся с мыслью, что поторопился порывать с этой планетой...

А сейчас меня сгрело в охапку шаровидное кресло у окна, впустившего ранненоябрьский город, и сегодня всё наоборот: всеми силами пытаюсь быть частью земной жизни, а она атакует меня сразу по всем фронтам – впечатлениями, которыми я так любил пренебрегать, одновременно нуждаясь в них...

– Ну? – спрашивает Алекс, протягивая мне стакан минералки.

– Всё в порядке.

Мы сидим ещё час или полтора в полной тишине вчетвером, если считать Джека, когда за окном становится совсем темно, а Тихорецкий говорит:

– В девять у меня пресс-конференция.

И как только кар забирает его от входного люка, мы с Ритой сразу же приступаем к тому, что доставило мне столько мучений тогда, со сломанными рёбрами: принимаемся придуриваться и хохотать. Начинаем с передразнивания Алекса, возвращаемся к моим карикатурам, создаём ещё одну – на тему пресс-конференции и многозначительного молчания. Правда, мне она кажется тупой, а не смешной, но само по себе создание тупых карикатур – весело настолько, что Джек, подзаряженный нашими эмоциями, ошалело намотав двухсотый круг по комнате, падает без сил и только стучит по полу своим удивительно длинным для корги хвостом – гулко, как деревяшкой.

Притулившийся под боком у похожего на скопление

аморфных холмов дивана круглый столик сервируется пиццей. Ритка изящно утягивает кусок и проваливается в адаптирующийся к её телу матрас. Только ноги торчат: кукольный размер, в коричневых носках со спиралевидным выпуклым узором. Воспоминания прут напролом, угрожая пробить многолетнюю защиту...

– Не надо, Ваня, всё хорошо, – предостерегает она шёпотом.

Отвлекает Джек, вежливо ткнувшийся носом в ладонь. Протягиваю порцию угощения и держу, пока он не спеша откусывает половину, разжёвывает, прижав уши, а потом аккуратно забирает оставшуюся часть.

Беззаботное настроение возвращается. Слова из Ритки льются через край: ругает диван, а заодно и Тихорецкого, который что-то там в нём поднастроил – куда ж без того, – а потом хвалит меня, тут же решившего проблему полным обнулением следов воздействия Алекса на искусственный интеллект. Уверен, она могла бы и сама, – но в этой игре у нас годами всё как по нотам.

Диван мне нравится: он делает отличный массаж шеи. Правда, найти ту зону, в которую для этого требуется шею поместить, – задача не для заурядного ума и терпения.

С большим трудом взнуздав и почти скрутив в бараний рог своевольную мебель, мы приступаем к десерту – находим файл с романом, который вместе писали в детстве, и задыхаемся от смеха, зачитывая фрагменты друг другу.

– «Его глаза блеснули в неоновом свете, наливаясь яростью, сочащейся сквозь жерла зрачков». Я же сказал тебе, Рита... – Закашливаюсь, восстанавливая сорванный голос. – ...я сам напишу сцену драки! Но тебя было не переубедить!

– Но это же шедевр, Ваня, ше-девр! Какой образ! Ну подумаешь, немножечко перебор с метафорой... Но энергетика есть же! Свежий ракурс, неожиданный взгляд! – уронив подбородок на плечо, она хитро жмурится.

Джек дёргает меня за локоть, вопросительно нацелившись на тарелку с последней порцией пиццы. Получив одобрительный пинок, он хватает кусок за корку и укладывает мне на грудь – предлагает поделиться.

– Вот молодец, ну спасибо, не надо, забирай всё, приятель! – Упаковываю еду ему в пасть по кусочкам: не хочу сегодня смотреть на состязание робота-уборщика и дивана-самодура. – А вы, женщины, вообще не понимаете, что такое драка! Мужчины с вами драться не станут. Да вам и сбежать можно! А между собой вы не дерётесь... В общем, разница в том, что драться вы не собираетесь – вы собираетесь только полностью друг друга уничтожать, вот!

– Это точно, Вань, – соглашается она, надув щёки.

– Ну так и вот! Нечего было писать сцену драки вместо меня!

– Но это всё равно... где же было... не хуже той сцены любви, хи-хи, которую ты вставил! Где же... Вот! «Она не знала, что именно чувствует, – ясно было одно: чувство-

вать что-нибудь обязательно требуется». И я же тогда это всё неправильно поняла! Я была уверена, ты шутишь! А могла же научиться видеть мужчин насквозь!

– Рита! А-ха-ха! Я не могу больше! Мы идиоты!

Просыпаюсь в обнимку с Джеком. Диван соорудил неплохие валики для разгрузки позвоночника. Я даже выпался, хотя нет и десяти часов утра.

– Рита?

Пёс со скрипом зевает, поднимаясь с подушки – вообще-то предназначенной для меня, – на которой он расположился во всю длину.

– Доброе утро. Плохо спалось, да? Разве ты встаёшь так рано по выходным? То есть – разве ты вообще просыпаешься по выходным?! Ваня, эй! – Она надела нечто розовое, струящееся и шелестящее и ходит туда-сюда по комнате, разыскивая какие-то вещи. – Ты чего такой бледный – плохо опять? Давай я сканер принесу – проверим тебя?

Придётся выложить всё начистоту.

– Слушай... – С наслаждением касаюсь ногами прохладного пола. – Кажется, у меня психосоматика какая-то... Все эти земные штуки... Запахи... Меня твои ландыши довели. А сейчас они уже воспринимаются как раньше. А теперь – халат твой. Шуршит. Шёлковый – или как называется

сы? Выходит... может, мне надо все эти штуки по очереди увидеть... Алексу не говори!

Садится рядом и вцепляется в моё запястье, считая пульс:

– Признайся честно: взломал биочип? Вчера в такси твой вид совсем не тянул на допустимый после такой миссии, а система не отреагировала! Ты же почти потерял сознание! И Алекс сделал морду кирпичом! Заговорщики! Восемьдесят восемь!

– Это потому что ты меня испугала сейчас! Вцепилась как пиранья!

– Испугала! Ну хватит, пожалуйста! Ты десять лет тренировался по спецпрограмме!

– Ну не испугала, а может, наоборот!

Джек закидывает передние лапы мне на колени, строго всматриваясь в лицо. Рита гладит его по затылку, прикасаясь розовым рукавом:

– Прекрати валять дурака! Ну! Говори правду насчёт чипа!

– Конечно взломал. Не чип, саму систему обработки медицинских данных в штабе. Ну Рита, ну что спецпрограмма, у меня же просто тип нервной системы... зато какая скорость реакции! Но им там по барабану! И что – из-за пары несанкционированных скачков пульса меня бы не пустили на Ёжик?

– Вань, ну там же не санаторий! Я знаю, что ты здоров, но с кем угодно может... Кстати, пока Алекс не слышит...

ты видел расу двадцать шесть?

– Видел... – не оправдываю ожидания полковника Гончара (я всё-таки ничего не обещал!), – и шандарахнул их как следует. Не знаю пока за что...

Склонившись вбок, Рита заторможенно проводит кукольными пальцами по своей шее. Рукав спадает до локтя, выворачиваясь наизнанку.

– Ладно... – решает, встряхнув распущенными волосами и бросаясь щекотать Джека, живо ухватив его за бока, – будем тебя к жизни возвращать! Земное многообразие раздражителей... Что скажешь насчёт каркаде? – весело улыбается. – Абсолютно натуральный! Исключительно ароматный: я даже упаковку ещё не открывала.

– Да... – Прислушиваюсь к ощущениям. – Это как раз в нужной степени отвратительно!

– Отлично! Остаёшься пока здесь.

18 сентября 2096 года, Ёжик

– Остаёшься пока здесь, – бросаю я высунувшемуся из бывшей каюты Межнякова Тому, на ходу натягивая футболку. Визуализация пожаловавшего в гости корабля, спроецированная планшетом в пространство у меня перед носом, выглядит ни разу не привлекательно. И я не имею ни малейшего понятия, что это за модель...

– А... куда я могу?..

– Из каюты ни шагу! И заткнись.

Компьютер продолжает выдавать звенящую металлом сирену, игнорируя данные о моём пробуждении.

Отправляю запрос на инопланетный объект:

«Пограничная зона Содружества населённых планет. Сообщите ваш идентификатор и цель полёта».

Чуть больше шести минут до выхода неопознанного звездолёта из области, доступной для эффективной атаки отсюда, и то если он не способен развивать скорость выше всех других известных типов кораблей...

Сигнал тревоги наконец умолкает.

«Пограничная зона Содружества населённых планет. В случае отсутствия идентификатора сообщите координаты точки отправления. В случае вашего отказа от контакта мы активируем оружие».

Никакого ответа. Только медленно надвигающаяся без-

молвная махина на всех способных к трансляции изображений поверхностях в этой комнате... Мизинец застывшей над панелью управления руки сводит судорогой. Добавляю к стандартному пакету информации перевод на все остальные имеющиеся в базе инопланетные языки и символные системы.

И высылаю на перехват автопилотируемый крейсер. Правда, если придётся пустить его в дело, у меня останется не так много шансов...

Результат сканирования: корабль оснащён системой связи, способной принимать все мои сигналы. Кстати, без понятия, не фальшивый ли это ответ, заложенный в программу для спокойствия оператора, но тем не менее...

«Кто вы и откуда? Отвечайте, иначе я открою огонь».

Две минуты четыре секунды... Тишина в эфире. А если они смогут смыться быстрее?

Я знаю, что Том проигнорировал приказ и торчит сейчас у меня за спиной. И даже представляю, что именно он хочет сказать – «не испытывай судьбу».

Я и не испытываю – запускаю обратный отсчёт от десяти, отправив последний набор дублирующих сообщений.

А по его окончании – атакую визитёров одновременно из всех основных огневых точек системы. Корабль разносит подчистую, превращая в гигантское облако космической пыли. Некоторое время с первобытным удовлетворением рассматриваю результат, а потом отзываю крейсер, поворачива-

юсь в кресле и спрашиваю:

– Может быть, олады с... допустим, клубничным джемом? Для разнообразия. Хрен я сейчас смогу уснуть.

– Замечательно! Ну... олады. Я-то думал, ты философствовать сейчас начнёшь...

– Почему это?

– Ты землянин...

– Ты же сам сказал, мы не пацифисты – значит, по твоей логике, получается, рефлекслирующие милитаристы?

– Эм... да.

Ну да... Должно быть, со стороны-то виднее...

Автокухня сегодня гораздо более сговорчива, и у меня со второго раза получается заставить её выдать желаемое. И даже кофе.

– На Тулисии этот напиток запрещён, – заявляет Том, степенно забирая у меня чашку.

– И?..

– И – он приведёт меня в изменённое состояние сознания, – с будничной интонацией объясняет он, делая огромный глоток.

– А, ну... отлично. Чувствуй себя как дома... То есть... ну, наоборот...

Расправляясь с оладьями и одновременно выискивая на его физиономии признаки какого-то рода опьянения (ничего, кроме лукавой полуулыбки – но, похоже, это базовый режим работы), решаю спросить:

– Так что ты хотел сказать, когда я был занят?..

– А... – Он как будто колеблется, стоит ли сообщать, и доброжелательное выражение чуть ли не впервые бесследно его покидает. – Это был корабль расы двадцать шесть.

– Твою же... Откуда ты знаешь?!

– Мне... считай, мне случайно выболтали тайные сведения. Не спрашивай... Просто прими в расчёт.

– Ладно...

– Это варенье – изумительная вещь, – снова облачается в красноречивый смайл Том – и вдруг осведомляется, вычерчивая в воздухе окружность оладушком на вилке: – А как устроена оборонительная система здесь?

Иронически пялюсь в его зрачки секунд тридцать в надежде на понимание, но, наверное, кофе уже действует, так что приходится излагать словами:

– Это военная тайна, Том.

– Понятно: ты не знаешь.

– От системы зависит жизнь миллиардов разумных существ, а рядом с ней – никого, кроме меня. И ты думаешь, я не знаю, как она устроена?.. В случае моей смерти, кстати, уничтожает все инопланетные объекты на Ёжике.

– Но не внутри основных помещений базы? – с непонятной ледяной жёсткостью вдруг уточняет он.

Слов нет... умею же я дотрепаться до победного! Но отрицать очевидное нелепо.

– Не внутри. Но активируются дополнительные програм-

мы. На этом лекция окончена. Дай доступ роботу базы к своему кораблю. Починит он там всё сам. – Полагаю, что на сегодня меня уже достаточно занесло, и в наказание лишаю себя удовольствия повозиться с ручным ремонтом. – Собираюсь поспать часа полтора, пока Гончар не начал заколёвывать бесполезными вопросами о вторжении. Входной люк заблокирован. И надеюсь, понятно, что если ты хочешь с кем-то связаться, делай это без помощи моего компьютера. Вопросы есть?

– Да... гончар – это... скудельник? Он будет... А! Прозвище такое? – языковой барьер вырастает перед ним внезапно.

Смеяться нет сил. И когда этот мир перестанет сочиться бредом изо всех щелей?

– Сам ты скудельник! Фамилия это. Моего начальника! Господи! Скудельник! Из словаря какого века ты это выудил?!

В начале девятого утра, вытерпев обстрел продуктами мыслительной деятельности полковника Ску... Гончара, поразглядывав стены и решив, что продолжать общаться с кем-либо настроение у меня ещё есть, с умеренным энтузиазмом выползаю наружу.

Тома я обнаруживаю в его каюте (вваливаюсь без предупреждения) – сидит на полу и беседует с эффектной женщи-

ной средних лет, одетой в серебристое платье в духе, что ли, Викторианской эпохи.

– О, простите. Здравствуйте то есть... – Стучу по запястью, собираясь активировать переводчик, но обнаруживаю, что оставил планшет в каюте.

И пока открываю рот, чтобы попросить компьютер помочь, Том бешеной скороговоркой произносит несколько слов – и женщина, кивнув мне с обворожительной улыбкой, растворяется в воздухе. Не понял ровно ничего... Мне даже показалось, что он говорил не по-тулисиански. Разумеется, он говорил не по-тулисиански, вот же я дуралей! Так называемый тулисианский – язык их международного общения, а на самой планете уцелевших до нашего века наречий не меньше, чем таковых на Земле...

– Извини, я... Это твоя...

– Дочь.

Он поднимается на ноги, скорчив снисходительную мину и окатив меня ею с высоты двухметрового роста.

– О... а я думал... сколько же тебе лет?!

– Смотря как считать... Её мать умерла.

Моё лицо, должно быть, без слов выражает все возможные вопросы, потому что он продолжает:

– Она была старше меня приблизительно на сотню земных лет.

Средняя продолжительность жизни землянина сейчас около ста двадцати, тулисианцы живут почти вдвое больше,

я знаю это с детства и много раз пытался себя представить на их месте, но возможность ещё и мезальянсов с вековой разницей в возрасте как-то не приходила на ум:

– Удивительный опыт... Хотя... в общем-то, каждая из них как будто на сотню лет нас старше...

С интересом рассматривает меня, ностальгически посветлев.

За иллюминатором наступает почти земной день, комната, бессистемно разукрашенная Серёгой в жёлто-оранжевой гамме, оживляется предполуденными лучами, но я-то знаю: снаружи всё равно почувствую себя неуютно. Хотя и понимаю, что чувствовать себя неуютно – это всего лишь обман восприятия. Чувствовать себя неуютно нет никакого смысла, если условия пригодны для жизни.

– Слушай, Том, здесь сейчас подходящее время года и суток для того, что я давно хотел сделать. За хребтом на северо-востоке – долина. Там я увидел интересное растение. Его соцветия похожи... они как пригоршни синего льда в стеклянных чашечках. Сейчас его будет проще всего найти. Хочу выкопать в подарок подруге. Полетели?

– Ох... Бешеной собачке семь вёрст не крюк. – Сворачивает планшет и защёлкивает его на запястье.

– Слушай, в конце-то концов, ты что, учил язык по книгам позапрошлого века?

– М... было дело, да.

– И сколько вообще языков ты знаешь?

– Не пересчитывал. Семьдесят, около того... А почему нельзя снарядить за твоим волшебным цветком дрон?

– Он всё испоганит. Надо делать это бережно, с душой! – Убедившись, что Том всё-таки идёт следом, бодро марширую к выходу. – Семьдесят? Как столько вообще можно было успеть?

– Хотелось вникнуть в суть...

Вот так... Если тулисианец выглядит как твой ровесник – ничего хорошего не жди. Останавливаюсь перед сейфом и извлекаю оттуда бластер. Поразмыслив, возвращаю оружие и Тому. Вместо того чтобы снова нацепить полуулыбку, он просто кивает с серьёзным видом.

А потом бубнит, натягивая скафандр:

– А вот если бы была возможна телепортация, а телепорт мог бы отличить органическую часть и переправить её вместе с корнями, а уже дрон зачерпнул бы почвы... Или... выдолбил, если полагать по виду здешней почвы... Я совсем не хочу никуда лететь!

– Это трындец какой-то... Зачем ты выучил семьдесят языков, если не любишь приключения! Как бы там ни было, я лечу, а ты на базе без меня не останешься. Так что выбора у тебя нет. И шлем!

– Да уж... Спорить с тобой – себе дороже...

– Вот. Любому разумному существу достаточно нескольких часов, чтобы прийти к этому выводу! – Распахиваю люк и морщусь: такое впечатление, что выпал в гигантский пави-

льон с искусственным освещением.

Отсутствие энтузиазма у гостя понятно: наверняка товарищу с такими габаритами оладий с джемом хватает максимум на час нормального функционирования. Но если мы начнём с этим разбираться, точно не успеем вовремя попасть в долину.

Полумрак, который царит на Ёжике почти всегда, этой планете явно идёт больше. К тому же именно из-за такого режима освещённости местные растения наловчились как-то аккумулировать энергию – и как раз потому, насколько я понял, приобрели такой причудливый вид.

– Ага! – ликую, обнаружив годный экземпляр, который точно получится аккуратно переместить в контейнер, не повредив корни и не задев соседние цветки. Ломать экосистему мира в мои планы не входит, несмотря на всю её непривлекательность. – Том, давай сюда капсулу!

Обернувшись, успеваю заметить, что тулисианец в окружении неуютно посверкивающих растений, держа под мышкой контейнер, с пристальным вниманием рассматривает растопыренные пальцы свободной руки. Заслышав мой голос, он тут же прерывает это занятие и приходит на помощь, приняв вполне адекватный вид.

– Значит... – Бережно опускаю ком плотной почвы

со слегка покачивающимся в упругом стебле цветком в капсулу. – ...ты пошутил про кофе?

– Нет...

– И?

– Дурман держится несколько часов.

Защёлкивает контейнер и, вдруг усмехнувшись, отдаёт его мне.

– Почему этого не видно?

– Я этого не показываю, – пожимает плечами, направляясь к моему самолёту, наверное, забывшись, обычной для себя великанской поступью – еле успеваю семенить сзади. – И помню, что из окружающего должно быть реальным. Разве ты... ну...

– Проще ведь было вообще не пить его?

– Просто забавляюсь. Не понимаешь?

– Ну – смысл в этом? В том, чтобы не давать чему-то завладеть своим разумом?

– Для тебя – да. А для меня – нет... – Том внезапно останавливается и разворачивается – и уже прилично разогнавшийся я чуть не впечатываюсь ему в спину.

– Тогда... если нет... то что ты сейчас делаешь?

– Говорю на твоём языке.

Невольно всматриваюсь в его глаза – в ёжиковый полдень за бликующей преградой шлема они будто цвета пыльного чертополоха. Жуть какая-то, особенно в сочетании с произнесёнными словами и отрешённым пониманием: акцент

пришельца из ужасающего превратился просто в лёгкий, всего лишь за сутки.

В отрицание собственного страха я проваливаюсь направо...палую...

Поэтому, когда мы возвращаемся на базу, отправляю Тома обедать, наделив щедрым набором разнообразных блюд, растение – в карантинный бокс, в котором вроде бы настроил подходящие для него условия, а потом кое-как отвлекаюсь от текущих задач и понимаю: меня мутит. Ведь не бывает так! Да, конечно, инопланетянин, но почему вся нелепица, связанная с нашими культурными различиями, так лихо ложится на мой внутренний поток, как будто этот тип специально... придуман, чтобы оказаться здесь.

Опускаюсь на ступеньку маленькой лестницы тут же, в оранжерее, и тихо проговариваю:

– Компьютер, на базе есть кто-нибудь, кроме меня?

– Подтверждаю присутствие живого существа. Доступные к анализу данные позволяют отнести его к представителям расы тулисианцев.

– Стоп. Хорошо.

– Сообщить на Землю?

Если бы я не нахимичил с кодом (естественно, не отсюда, а предварительно, прямо из штаба, и прекрасно знаю,

чем мне грозит, стань об этом кому-нибудь известно, но... просто не умею функционировать по-другому), комп давно бы уже слил всё происходящее на базе командованию.

– Нет. Абсолютно безопасно, – уговариваю искусственный интеллект, используя созданный мною же ключ, но напрягаясь от иррациональных опасений, что машина не поверит: насколько живым кажется этот разговор. – Удалить текущий диалог из базы.

Поднимаюсь, чтобы уйти, и натываюсь взглядом на стоящего в дверях Тома, хех, с бутербродом с клубничным джемом в руках – фетиш у него появился, что ли? Отхватив огромный кусок, он, фыркнув, комментирует:

– Фантастики пересмотрел?

27 ноября 2098 года, Земля

– Фантастики пересмотрел или температура поднялась? – Перекинувшись через выпученный диваном горб, Ритка похозяйски прикасается прохладными пальцами к моему лбу.

Этот жест тут же щедро обмакивает меня в источник ландышевого концентрата.

Ну и чем она так возмущена... всего лишь предположил, что её новый воздыхатель может оказаться человеком с фальшивой личностью. Такое ведь в любом случае не исключено...

На самом деле просто не могу привыкнуть к мысли, что нам придётся провести вечер с каким-то посторонним мужиком. В конце концов, я склонен к социальной изоляции!

Джек крутится на месте и разглядывает нас поочерёдно, наклоня морду туда-сюда и лучась от удовольствия. А ведь это я притащил сюда трёхмесячного щенка, когда стало точно известно: лечу на Ёжик. Протягивал на вытянутых руках его забавное пухлое тельце, прячась от обязанности что-то произносить вслух. А пёс меня, выходит, не только запомнил, но и привязался. Идея: сейчас отговорюсь необходимостью остаться с ним! Ведь одиночество для собаки – огромный стресс...

Представляю себе выражение лица Риткиного щёголя, когда на пороге квартиры дамы сердца его поприветствует бра-

вый офицер космических войск! Между прочим, находящийся в отличной физической форме – заключаю, изогнувшись и поймав своё отражение в зеркальном фрагменте ближайшей стены.

И тут же получив больночый шлепок по руке, которой ерошу волосы, создавая брутальную причёску.

– Ваня, даже не вздумай, ты слышишь меня?! Не вздумай распушать там свои перья опять и тем более наезжать на Толика! Вы с Алексом вообще когда-нибудь поймёте, что для меня важно?!

Она переделалась в одно из тех ослепительных платьев убивающего наповал оттенка красного цвета, от которых я всеми силами отговаривал её в былые времена, и явно пытается считать с моего лица степень его эффектности, приняв максимально царственную позу.

– То-олика! – передразниваю её нотки, ухватив Джека за кончики ушей и разводя их в стороны. Пёс реагирует коротким взвизгивающим звуком, похожим на хихиканье. – Что опять за пошляцкое имя? Ты их по этому принципу выбираешь, что ли?

– Я сейчас улечу без тебя! И на карнавал в больницу пойду с Алексом! И заблокирую тебе доступ в квартиру!

– Конечно же, меня это остановит! – Резко отрываюсь от дивана, ловлю её врасплох и взваливаю себе на плечо. – Блондинка в красном, до чего мы докатились... А То-о-олик, что ли, не собирается тебя сопровождать на парад ряженных

инфекционистов, на который, кстати, плевать я хотел?

– Я запрещаю тебе видеться с Джеком! – Каблук угрожающе метит мне куда-то под ребро, но застывает в воздухе, не коснувшись даже в шутку. – Стой, куда ты меня тащишь! Я не взяла клатч!

– Рита, я спросил.

– Говорит, не любит выглядеть как пугало...

Опять двадцать пять... Придётся изучить ещё и Толика, деваться некуда.

Новый кандидат на вылет оказывается нескладным де-тиной, выглядящим лет на семь моложе своего возраста. Он в буквальном смысле постоянно задирает нос, а я то и дело уговариваю себя оставить этот жест без ехидных комментариев. В конце концов, ехидные комментарии – прерогатива Тихорецкого. Только если уж он пустит их в ход по отношению к кому-то, кроме меня, – значит, дело и вправду дрянь.

В очередном спроектированном Алексом ресторане под небесами нас встречают здоровенные полуглянцевые ворота будто из двух застывших капель горячего шоколада, а сразу за ними – огромный трапециевидный зал.

Несколько секунд полетав пальцами по ладони, Тихорецкий гордо кивает на подобие алькова прямо в окне – вы-

несенное наружу относительно остальной части зала помещение с абсолютно прозрачным полом – что-то из конца XX века, но любимый приёмчик главного инженера. Приступ сентиментальной радости перехватывает меня поперёк груди: Сашка всё-таки сделал это – стал тем, кем должен был, и хрен он теперь не перестроит на свой собственный лад как минимум этот город.

Под ногами – утыканный небоскрёбами и биолюминесцентными деревьями Васильевский остров. Но рассмотреть его толком не удаётся: приходится потесниться, чтобы пропустить приплывший к нам столик на четверых.

Алекс за пару секунд делает заказ для себя, а потом лезет в моё меню, быстро отмечает блюда и, не спрашивая, подтверждает якобы мой выбор.

Толик радостно погружается в изучение вариантов еды, переговариваясь с Риткой с каким-то прогорклым мурлыканьем. Предвзятость из моих реакций сейчас вытравить проблематично – ну и пусть, в крайнем случае главный инженер всегда успеет вовремя остановить... лишь бы по затылку не жажнул. Как-то раз это было по-настоящему внезапно...

– Ну, ты доволен архитектурным ансамблем века? – в ответ на свои мысли прикрываю шею рукой и плююсь на облака через потолок, который буквально по щелчку пальцев Алекса уподобляется полу – становится просвечивающим насквозь.

– В основном. Нейросеть окрестила его «Призраком Вер-

мера Делфтского, способным послужить и столом». И главное – никакого сходства...

– И что... – Глотаю подступившие из-за подавленного смеха слёзы. – ...ты ответил нейросети эпиграммой?

– Ответил ей убийственным безмолвием! – Превращает стену напротив в экран, проецирует на него модель комплекса и, нахмурившись, вертит туда-сюда.

– На самом деле круто вышло. А сеть тебя просто высоко ценит. За харизму.

Вот говорят «улыбается одними глазами». Тихорецкий умеет ещё больше – намекать на улыбку одними глазами. Демонстрируя этот навык, он – совсем незаметно для остальных, как фокусник, – двумя пальцами поддевает мою прилипшую к затылку ладонь и стряхивает её оттуда. Содержащие максимум информации монологи без слов – за почти тридцать лет я так в совершенстве и не овладел этим его языком. Но сейчас всё расшифровывается просто: Сашка тоже почувал, что наш новый приятель в самом деле совсем не так... приятен, чтобы стоило хоть каких-то усилий его... приять.

– Ой, Толик, это такая история, – веселится Ритка, – медиа постоянно докучают Алексу! Любой хоть сколько-то значимый его проект, да даже любая его публичная фраза, или даже просто слухи! Всё началось с той его фотки, на которой он указывает рукой на новую башню. Может, помнишь? Фотошоперы полгода не могли успокоиться!

– Надо было игнорировать, – комментирует Толик, совершая невозможное – задрал свой картофельный нос ещё выше. – Я никогда не контактирую со СМИ. Только болваны верят, что из этого можно извлечь выгоду.

И почему я сразу не доверился инстинкту...

Стол предупреждающе мигает и сервируется на вид однообразным обедом.

– Выгода может не быть основной целью, – закидываю проверочную фразу.

– Хе, эту идею обычно и внушают недоумкам, – выдаёт Толик.

Ну ясно...

Лапша, которую я взялся было наматывать на вилку, решительно не собирается заканчиваться. Пока прикидываю, не может ли оказаться так, что вся порция у меня на тарелке состоит из единого пучка макаронин, Тихорецкий без комментариев подсовывает мне сервировочный нож.

Понятия не имею, что ем – вроде микс из итальянской и ещё какой-то кухни. Обалденно вкусно – и это тоже заслуга Сашки: он полностью берёт на себя техническую проработку меню, просто из любви к процессу. Но названия блюд мне с первого раза всё равно не выучить...

– Ты, кстати, – выпрашивает Толик, шатая башкой, будто какой-то игрушечный божок, с каждым колебанием всё больше вытягивая шею, – расу на службе своей видел? Говорят, в Содружестве решили не впускать их. Хотелось бы оце-

нить перспективы...

– Не видел.

А дальше участвую в общей беседе только машинальными фразами – просто наблюдаю за героем дня. Во-первых, он называет её Марджи! И она позволяет, пробудив во мне знакомое смешанное с жалостью раздражение. Алекс тоже заметил: он приподнимает один уголок рта – не означает ничего хорошего.

Во-вторых, Толик машинально оттесняет Риту из сферы своего физического влияния: отпихивает локтем, перебивает, загораживает ей виды.

Глядя на это, Алекс отодвигает почти пустую тарелку и неестественно медленно складывает руки на груди, прищурившись и откинувшись на спинку чего-то сетчатого наподобие плетёного кресла. Надо будет у него спросить, как называется эта штука и не внёс ли свою лепту в её создание маэстро Гусев, способный, наверное, победить в чемпионате мира по неудачным идеям.

В-третьих, этот кретин позволяет себе как бы пошутить, когда Рита пытается втиснуть в разговор одну из своих нескончаемых воодушевлённых тирад:

– Зато ты красивая, Марджи.

Алекс неторопливо поворачивается ко мне, я слегка киваю давно отработанным жестом – и он столь же неспешно засучивает рукава абсолютно белой рубашки.

Анатолий напрочь игнорирует недвусмысленный видео-

ряд. И тогда Тихорецкий прерывает своё молчание единственным вопросом:

– И какие у тебя основания претендовать на место в жизни Риты?

Толик, конечно, решает, что спрашивают в шутку, но отвечает с энтузиазмом:

– Первым делом отвезу её в турне... – не сбавляя оборотов напыщенности, начинает он.

И тут неожиданно именно я стискиваю локоть Тихорецкого, чтобы не дать ему устроить драку прямо за столом. Ритка просекает нашу пантомиму и страшно округляет глаза.

– Я спросил, зачем она тебе.

– Ну, миленькая она... – Тянется губищами к Ритке, но она уворачивается, наконец-то осознав.

– Окей. – Алекс чуть ли не наотмашь припечатывает запястье к столу, закрывая выставленный нам счёт, и широким шагом направляется к выходу.

Ритка тоже поднимается, ухватив себя за мочку уха и опустив взгляд, а следом за ней, поколебавшись и вопросительно глядя на меня, – Толик.

подавив желание оттащить её от него, догоняю Тихорецкого у входа на парковку.

– Чего ты завёлся-то?! – выкрикивает Анатолий из-под «шоколадных» врат, с непринуждённым видом не пытаясь идти быстрее. – Или ты с ней... А, так это бывший твой, ну так и сказала бы, Марджи. А я-то гадаю, чего он завёлся!

Так это... надо уметь проигрывать, смиряться с неудачами, так что давай без обид.

– Я его сейчас... насовсем уебу, – полушёпотом информирует меня Алекс и для полноты картины шмыгает носом.

Ёлки... За двадцать пять лет хоть что-нибудь изменилось? Сквозь уже созревшую решимость разнести всё вокруг меня начинает одолевать предательское желание рассмеяться. Как всегда вовремя...

– Разберусь, – нейтралирую его порыв, но в голос подмешивается шальная нота. Чёрт, сейчас он догадается о причине моего веселья, подхватит его и сцена возмездия не получится.

Поэтому без раздумий шагаю навстречу Толику, рывком хватаю его за лацканы пиджака и отгаскиваю с дороги:

– Если ещё не понял, я тебе объясню. Поищи себе девочку для битья в другом месте.

– Хе-е-е, – упорно не воспринимает угрозу всерьёз. – И этот, значит, тоже твой бывший? Ну, Марджи, ты несколько неразборчива, но я всё же великодушен, до определённого предела. Побеседуем дома!

Примерно на треть от всей дури встряхиваю его и отпускаю.

Алекс технично упаковывает Ритку в ближайший кар и оглядывается на меня.

Подвожу итог:

– Уёбываешь отсюда – и больше мы тебя не видим.

– Или что? – искривив губы, интересуется Толик.

– Или тебе пиздец, что тут непонятного.

– Двое на одного. Рыцари, блядь...

– Я в стороне постою! – не выдерживает Алекс, захлопывая люк спиной.

Реакцию Риты мне не видно: обстановка трясётся. Толик тянет за джемпер и пинает ногой мимо голени. Охуеть! Содрав его руку с плеча, тупо заламываю за спину. Дрыгает пяткой. Ха-ха, лягнуть собрался? Глухо вякает. Паркую его к стене. Хочется впиздярить не по-детски, но нельзя: подставлю Алекса. Вдруг он камеры не отключил...

К счастью, Толик умаялся: тяжело дышит и вяло машет левой – мол, хватит, утомил. Сгрузив его в сидячее положение, без слов ухожу.

И как я не понял, что он всё-таки доебётся...

Цирк с конями... Потуги какого-то там финансиста, от нечего делать прошедшего курс самообороны, а точнее – курс завышения самооценки на ровном месте... Ну где ещё могли научить атаковать безнадёжными подсечками и отчаянными приёмами исподтишка...

Запрыгиваю в кар под одобрительный кивок распахнувшего люк Алекса и задаю курс на свой дом.

– Я не понимаю, Рита, ты выбираешь этих уродов просто

потому, что хочешь посмотреть на наши разборки? – спрашиваю через несколько минут, когда из ушей прекращает валить адреналиновый пар.

– Нет, я... Прости! Я в самом деле не вижу сразу... Воображаю их... Я знаю, знаю, так нельзя! Какой-то эгоизм. Выдумываю человека и как будто на него надеваю этот портрет – и не замечаю сама!

– Я хотя бы не зря это сделал? Может, тебе надо было опять убедиться? Что у них нет предела? Целый год грёбаной психотерапии – я и Гончару тоже говорил, эту псевдонаучную херню надо было оставить в прошлом веке! И зачем та тётка нужна была, а? Мне сразу она не понравилась...

– Нет, она... на самом деле в чём-то помогла, я научилась гораздо быстрее их... отличать, а здесь вдруг, наверное, Вань, из-за того, что вы оба в городе, я как-то расслабилась...

– Но ведь именно мы ничего не заметили с Артёмом, – вздыхает Алекс, – пока он тебе руку не сломал...

– Вы же не обязаны были, господи...

– Это нам решать, – не светить раздражением у меня не выходит, – прошу тебя, можешь хотя бы раз объяснить?! Ну вот чем такой пиздобол в принципе мог привлечь твоё внимание?!

– Ну... разным... к примеру, Шекспира... наизусть... цитировал... – на каждом слове интонация всё ниже, как скачущий по ступенькам мячик.

К счастью, я уже состыковался с парковочным люком сво-

ей квартиры, и у Алекса есть полное право сгрести её в охапку, вытаскивая из такси, и тем самым заставить разрыдаться, а не зависнуть в нервном напряжении ещё на пару часов, пока мы не найдём способ прекратить ступор.

– Though this be madness, yet there is method in it, – позволяет себе пробормотать Тихорецкий. Хотя и без того ясно, что нервы у него сдали.

Продлеваю стоянку кара ещё на пять минут и откидываюсь в кресле, закрыв глаза.

Этому гондону Артёму я всего лишь сломал руку в ответ. Так сказать, око за око. Благо знал, как это правильно сделать. И смог побороть искушение подправить ему ещё и нос: всё-таки опасно для жизни. Но даже с таким результатом Гончар еле отмазал меня после всей истории. Именно отмазал: больше нечем объяснить отсутствие нормальных экспертных заключений в судебном процессе... Да, замахнулся Артём первым, но я целенаправленно – понял бы и школьник – сломал противнику руку, не потрудившись даже выйти из поля зрения системы.

И даже сейчас, через десять лет, вздрагиваю от воспоминания о последовавшем за тем поступком разговоре, в котором не было ни слова. Бросив быстрый взгляд на Гончара, единственный раз за всю жизнь воспользовавшегося служебным доступом в мою квартиру, я ни капли не сомневался, что он ударит – и не символически. Что ли, ломает ру-

ку тоже. Или скорее челюсть... всей своей позой он явно метил в челюсть. Да, технически это было бы недопустимым для его положения преступлением, но не я же стал бы докладывать третьим лицам...

А он просто отобрал планшет и отправил его в утилизатор. А потом своим ключом заблокировал домовому компьютеру доступ к системе, оставив только жизненно важные функции. Просто чтобы я не натворил глупостей, пока идёт следствие, – одни манипуляции с базами чего стоят.

Но красноречиво. Особенно учитывая, что вернуть себе контроль над искусственным интеллектом в квартире было бы делом пары минут. Понятно, я не стал. Но всё равно – накатывающим из глубины слоём осмысления – было как-то отчаянно плевать. Да что там... до сих пор иногда жалею... зря остановился в той драке...

Потому что Артёму дали какой-то смехотворный срок, а разбирательства стали для Ритки дополнительной травмой. Как она объясняла, не хотелось признавать публично, какая она дура. Алекс потребовал, чтобы я не смел проявлять даже тени намёка на агрессию в её адрес. Я и не собирался, да и не делал такого никогда, но Сашкины слова заставили крепко задуматься, нет ли моей вины в том, что этот урод вообще задержался в жизни Риты. А точнее, решить, что она есть.

Дома тишина и как будто никого нет. На кухне обнаруживаю валяющиеся на полу туфли с нечеловеческой высоты каблуками, затихшую в кресле Риту с моей кружкой с рыцарями и Алекса с сигаретой в зубах, убеждающего холодильник соорудить её любимое фисташковое мороженое из имеющихся ингредиентов.

Только один вопрос:

– Саш, почему запрещённые вещества обязательно надо употреблять именно в моей квартире?

– Запрещённые всего-то сорок лет... – Стряхивает пепел в стакан для овощных коктейлей.

– Если меня понизят в звании не за мои собственные «подвиги», будет неожиданный поворот...

Алекс совершает непринуждённое движение челюстью, перекаывая сигарету, и окидывает меня исчерпывающим «я этого не допущу».

Знаю уж...

Наверное, я надыхался. Потому что внутри сейчас исключительно умиротворение...

18 сентября 2096 года, Ёжик

Не то чтобы исключительно, но всё-таки умиротворение... В конце концов, цветок для Ритки я достал, почти как обещал в детстве. Она просила, правда, инопланетный аленький цветочек, а этот – голубой... Но есть шансы, что взрослые девочки уже не обращают внимания на такие мелочи...

Я как зашёл в свою каюту, так и рухнул в угол – и подниматься в обозримом будущем не планирую. Запрашиваю отчёт у робота, занятого ремонтом корабля, а потом отправляю сообщения сразу на все доступные устройства на базе: «Зайди ко мне».

Когда минут через пять Том делает шаг в открытый люк каюты, стучу в стену, материализуя второе кресло, и объявляю:

– Тридцать шесть минут до окончания ремонта твоего корабля. Правда, я бы отвёл ещё несколько часов на тестирование, ну и... останешься завтра на обед?

– Побуду здесь ещё пару дней.

– Хех... зачем?

– Возражаешь? – Возится с подголовником, настраивая его на свой нештатный рост.

– Нет. – Я и правда не против. – Но... зачем?

– Кодекс любителей одиноких странствий, – с грехом по-

полам победив земляноориентированное чудо техники, выдаёт он.

– И... что это за хрень?

– Тот, кто любит одинокие странствия, всегда понимает: уединение – самая желанная и вместе с тем самая страшная вещь на свете. Поэтому, встречая другого одинокого путника, обязан уделить ему время. А вернее, разделить время с ним.

И, глядя на мои ползущие на лоб брови, добавляет:

– Из детской книжки. Не тулисианской.

– Слушай, ну это же бессмысленно. Да одиноких путника, проводящие время вместе, – по-моему, как трезвенники, сообразившие на двоих.

– Что... сообразившие?

– А-ха-ха... это значит...

– Я уже понял, – сияет от спонтанной лингвистической находки Том. – Но ты не возражаешь?

– Я же сказал, что нет!

– В таком разе как это может быть бессмысленным?

Как это может быть бессмысленным, вполне понятно, но расслабленное состояние не предполагает мотивации ввязываться в нескончаемый диалог... Забавно... У меня уже есть друг, продолжающий подкалывать не только через двадцать лет, но и через двадцать световых лет; подруга, находящаяся в непрерывном поиске неприятностей; начальник, задавшийся целью не давать мне спать вообще никогда; а те-

перь Вселенная подкинула ещё и кухонного мудреца. Ну как я могу возражать, ёлки-палки!

И конечно, это происходит обязательно прямо сейчас:

«Тревога! Корабль в подконтрольной зоне!»

Да чтоб его!

Смахивающий на гигантский двухэтажный кадиллак звездолёт, тихий ход и нескладное послание на морской азбуке...

Ясно.

– Это ахдирцы, Том, опять у них траблы с идентификатором. Можешь с ними... побеседовать? Ну мало ли. Ты всё-таки язык знаешь. Вот, по пунктам. – Скидываю стандартные запросы на экран, отъезжая в кресле. – Не волнуйся, я потом удалю диалог из архива.

– Не волнуюсь – уже смирился: нас вместе направят под трибунал.

Он долю секунды притормаживает – и начинает бодро генерировать текст по-ахдирски.

Тимбилдеры на Земле называют это делегированием полномочий. И оно мне всегда давалось не особенно легко... Но вот именно сейчас, когда я ужасно устал, но доволен прошедшим днём, нахожусь в эйфории от прерванного одиночества и, главное, как раз когда делегировать полномочия просто недопустимо, вот именно сейчас я не испытываю ровным счётом никакого беспокойства и даже отчаливаю в релаксационном кресле в главный отсек – вообще не видеть этих набивших оскомину допросов инопланетян.

Отключаю трансляцию происходящего в моей каюте. И закрываю глаза.

Через несколько минут Том присоединяется ко мне, почти беззвучно прошуршав колёсами по гладкому полимерному полу.

– Они не заметили, что ты понимаешь свой текст? – интересуюсь, разлепив веки слева.

– Скажешь тоже! Нет конечно! Мне в этом равных нет! Никто никогда не поверит, что я понимаю свой текст!

Прикусываю краешек губы, чтобы улыбка не расплзлась слишком уж далеко.

– Ну и... как?

– Надо полагать, всё в порядке. Любопытно, а что это у вас здесь – где грива лошади нарисована? – Подъезжает к стене и указывает на секцию условного шкафа.

– Шахматы лежат.

– О...

– Умеешь играть?

– Нет, но хочу попробовать!

– Ну... будет неинтересно... Ладно, хотя бы правила узнаешь. А я повышу свою самооценку, а то у нас с напарником счёт 1123:1098 в его пользу... – бубню, перемещаясь к шкафу и извлекая доску из сектора, отмеченного застывшими как памятник вечной победе Серёги числами.

– Ах вот что это за цифры! А я-то вообразил, будто вы делаете ставки на скачках робоконей...

– Так, – назидательным тоном начинаю я, выпихнув из подполья обеденный столик и разложив на нём антикварную деревянную доску – один из немногих предметов, находящихся на базе исключительно ради земного антуража, – запомни: справа от тебя всегда должно быть белое поле.

– Ясно! – оживает тулисианец. – А что будет, если сделать наоборот?!

– Будешь играть... не в шахматы.

– А... во что?

– Том, ты издеваешься? Слушай молча.

Занудно объясняю правила игры, периодически грозно посверкивая глазами на будущего соперника, нет-нет да и вставляющего между репликами наполовину проглатываемое «А что если наоборот?». Более-менее терпеливо дослушав азы, он всё-таки не выдерживает и срывается на длинную тираду, предлагая четыре варианта альтернативных правил рокировки.

– В общем, Том, ты для начала попробуй разобраться с тем, что мы тысячи лет сочиняли, а потом доколёбывайся до меня. Твой ход.

– Надо полагать, наиболее благоприятные начала игры просчитаны...

– Е2 – е4, – выщепиваю сквозь зубы.

И он уже безо всяких вопросов моментально переставляет пешку на доске.

Партия превращается в предсказуемое времяпрепровождение.

дение... Уровень владения игрой не даёт мне развёрнуто отвечать на вопросы, рвущиеся из охваченного новой концепцией разума противника, а его ходы достойны пятилетнего ребёнка, да ещё и прикрываются соответствующими комментариями. Упорно возвращаю их, поначалу даже более-менее терпеливо объясняя, почему они никуда не годятся.

Допекает Том уже в миттельшпиле:

– У ладьи должен быть флегматический темперамент, поэтому она предпочитает переместиться всего на одну клетку.

– Хватит выдумывать! Я же заберу её слоном! Темперамент, блин...

Вздыхает и изменяет ход на ещё более несуразный.

– Ну куда, куда! Я же пешкой заберу! – ору я.

И обнаруживаю на лице Тома подозрительное выражение.

– Ваня... как ты сказал? Чтобы был мат, нужно подвести короля под удар и он при этом чтобы не мог... спрятаться или... заслониться, – так?

– Ну.

– Атакуешь ладью – и следующим ходом получишь мат.

Три секунды втыкаю на доску – а потом ещё две борюсь с желанием расшибить её кулаком: этот мудрила в самом деле выиграл.

– Не обращай внимания, – старается он замять, – ты же всё за меня сделал, я только разглядел...

– Флегматический темперамент! – Смех теперь проламы-

вает негодование сразу вдоль и поперёк всего меня. – При-
знайся, что ты просто пудрил мне мозги...

– Ох... Ничего я не пудрил... каждая фигурка вместе с её
положением на поле у меня словно наделена характером.
В такой форме... хм... я обдумываю те соотношения, кото-
рые тут... Вдобавок в этом есть отвлечённый смысл: нельзя
забывать, что у символа может быть воля...

– Конечно, – перебиваю (успевая даже пожалеть, что ис-
портил настолько запущенные дебри), – чего я, дурак, хотел:
играть в шахматы с типом, который куда-то запихнул в себя
семьдесят языков...

– За сто тридцать восемь земных лет – едва ли слишком
быстро.

– Сто тридцать восемь?! Ёлки, ты же так и не сказал...
И... как оно – сто тридцать восемь?

– М... по-прежнему мало что понимаю, но больше не ви-
жу смысла это скрывать...

– Не оказалось бы только, что ты – просто я из будущего...

– Ох... Вот ещё... не лести себе... И... кроме фантастики,
что тебя занимает?

Поздно вечером я изучаю отчёты системы и тестовой про-
верки оборудования на корабле Тома.

– Ваня, – слышится сзади, – на во-о-он той стене есть ани-

мация в виде плывущей земной морской черепахи?

– В смысле? – недоумеваю, не оборачиваясь.

– Кофе... черепаха – есть или нет?

– Твою же мать, Том! Конечно нет! Какого хрена это так долго длится? Зачем ты вообще его пил?! Я же тебе доверил межпланетные переговоры... а тебя ещё не отпустило?! А если бы вместо ахдирцев приглючились черти из преисподней? Всё, иди отсюда...

Чтобы успокоиться, отвлекаюсь на то, что планировал уже давно – очередную попытку всё проконтролировать, на самом деле: листаю каталог «Одиссеи» (почему успешные магазины всегда имеют такие названия, как будто их придумали на скорую руку?) в поисках 3D-шаблонов кое-каких аксессуаров для тулисианского звездолёта.

На вопросительное молчание за спиной я профилактически сообщаю:

– Ты выбесил меня до предела, Том!

Но это не помогает, потому что удаляющихся шагов я как-то не слышу, зато получаю очередной вопрос:

– Понятно. И... что ты делаешь?

– Подарок тебе выбираю.

– Знаешь ли, не так-то просто понимать насмешки на чужом языке...

– Я серьёзно. Ты видел свой страховочный ремень? Это самоубийство.

– Ох... спасибо... – Том вроде бы издаёт смешок. – Я ведь

тоже... для проверки своего принтера... отправил на печать кое-что для тебя... Ой, зачем?! Не смотри! Неинтересно же будет.

Но я уже лезу в текущие процессы на корабле и загружаю активный шаблон.

Это оказываются механические часы. В винтажном стиле. На широком тёмно-коричневом ремне. Почти точно такие же были у меня несколько лет назад – рассыпались от удара после той неудачной тренировки, повстречавшись с жёстким элементом крепежа, которого вообще не должно было в третьем зале быть... Конечно, Том заметил их на единственном визуализированном фото у меня в каюте: мы с Риткой и Алексом, улыбаясь до ушей, стоим прямо на краю недостроенного верхнего яруса той самой башни, угодившей потом в лапы фотошоперов. Позади нас вызывающе синее июльское небо, слепящие солнечными бликами окна соседних высоток, а часы на моей руке, которой я мёртвой хваткой прижимаю к себе Ритку, показывают полдень... Алекс говорит, то фото – единственное, где мне не удалось скрыть страх высоты... А я думаю, его толком никогда не удаётся скрывать. Но удаётся заставить других считать, что это совсем не проблема.

– Они же... нравились тебе? – выдёргивает из анабиоза Том.

– Да. Их Рита подарила. Разбил случайно, и как-то уже сам не стал себе делать новые... И так вечно увешаюсь вся-

кими инструментами... Но мне нравятся такие часы, спасибо! К тому же это безумно дорогой шаблон...

– У меня тоже был один близкий друг... – Перестаёт подпирать стену и садится в одно из кресел из моей каюты, которые я забыл загнать обратно.

Он не продолжает, а я не знаю, что сказать. И зачем-то именно сейчас задаю вопрос совсем о другом:

– Том... Как выглядит раса двадцать шесть?

– Откуда, по-твоему, я могу знать?

– Ты постоянно врёшь, не пытаюсь даже контролировать свою мимику, хотя понимаешь, что я проходил спецподготовку.

– Ты всё равно знаешь, любое слово может оказаться ложью, чего ради мне контролировать свою мимику? – он не раздражается, не смущается и не злится.

– А если ты – из расы двадцать шесть?

– Ваня, я – не из расы двадцать шесть, – придвинувшись почти вплотную, с расстановкой выговаривает он. – Я уже отмечал, тебя заело на фантастических возможностях. Доверил мне ваше оружие, а сейчас задаёшь такие вопросы?

– А какая связь? Я на сто лет младше, но и то понимаю: остановить я тебя успею, а выводы сделать будет проще... Что случилось с твоим другом?

– Его... считай, убили. А я не смог добраться до того, кто это совершил. Пока не смог...

– И? Что бы ты с ним сделал? Ты же лингвист!

– Слово, знаешь ли, обладает огромной разрушительной силой... – Том вскидывает подбородок, зрачки его сужаются. Помедлив, наклоняется, прикрывая веки: – Мне совсем не хочется долго расписывать... А коротко не выйдет. Думается, это... не о случившемся, и не о... переживаниях, а о том, что за ними – то есть после... Я в детстве читал одну историю... главный герой по ложному доносу очутился в средневековой тюрьме...

Усмехаюсь.

– Что?.. – удивляется Том. – Как объяснить... и на родном языке трудно было бы... там... словом сказать, отчаяние, воля, месть и...

– Я знаю. Я тоже читал эту книжку.

– В самом деле?!

– Угу.

Внутренне морщусь от мысли, что сейчас придётся долго делиться какими-то натужно выволакиваемыми из глубин обработанного опыта впечатлениями, но к несказанному облегчению обнаруживается, что мы просто молчим. И не собираемся разрывать покой. Я – точно. Точно...

29 ноября 2098 года, Земля

Точно. Часы, которые вручил мне Том на Ёжике, показывают 01:41:11, как и бортовой компьютер. Сегодня я смог промолчать – но не от большого ума. Нет бы сказать, мол, как-нибудь в другой раз. Ладно, должно быть, мне просто хотелось прокатиться. Это же не какой-нибудь аэрокар – это «Гермес»! Мой собственный! Зачем? Ну а что, могу себе позволить! Правда, перемещения через ближайший космос обходятся дорого. Хотя... тоже могу себе позволить. Но выбираю старомодный ночной полёт над Атлантикой. Объёмная глубина земного неба – от одного только вида упоением понимает насквозь. А ведь будет ещё рассвет над Скалистыми горами, искрящаяся тихоокеанская синева под крылом и приземление – настоящее приЗемление: дома в Петербурге или через тысячи километров в Калифорнии – разницы нет... Отстёгиваю ремень, включаю автопилот и откидываюсь на спинку кресла.

Вот же... Свобода. Ночь. Отсутствие бодрствующих желающих «помочь». Экстремальное чувство самого себя. Кажется, я уже успел соскучиться по этому состоянию. Тому самому, от которого жаждал сбежать все шесть лет, проведённых на Ёжике. И тому самому, ради которого рванул на край Вселенной... Хотя, конечно, до края мне было далеко... Вселенной. Но и у меня самого он тоже есть, край. Точ-

нее, предел. Именно на пределе собственного терпения я через несколько часов окажусь в Лос-Анджелесе и буду контактировать с Женей. «Ну, эта курица ведь всё-таки с тобой росла», – говорит Ритка. Как раз тот редкий случай, когда её утверждение можно назвать чрезмерно толерантным.

Если бы у моей сестры был выбор, она бы обосновалась где-нибудь в XX веке. Женщины вообще частенько оглядываются назад во времени, но Ритка бы взяла оттуда только какие-нибудь странные туфли, а вот Женя – осталась бы насовсем. У них со Стивеном даже была свадебная церемония, а воспитанием ребёнка они решили заниматься без помощи современной образовательной системы. А ведь Мелиссе уже восемь лет, и я точно не удержусь сегодня от высказываний по этому поводу...

Больше всего меня удивляет профессия Стивена – он занимается поставками каких-то безумно дорогих коллекционных вин номинальным главам государств и корпораций. И вроде делает ещё что-то, связанное с непонятно кому нужными малоизвестными нецифровыми произведениями высокого искусства... Всё вместе создаёт впечатление какого-то круговорота фикции в природе, но тем не менее его навороченный особняк в Лонг-Бич вполне реален: я даже машинально стучал там по множеству безобразно пафосных предметов – убедиться, что это не голограммы. Да, домик можно запросто превратить в музей вместе со всем семейством... А я предусмотрительно выждал, проигнорировав

приглашение на День благодарения: не хватало ещё угодить на добропорядочный ужин из классической комедии...

Автоматика заставляет очнуться на подлёте к пункту назначения. Следовало ожидать: Скалистые горы я только что проспал.

А моменты пробуждения еле выношу в принципе – независимо от планеты, времени суток и сопутствующих обстоятельств. Возможно, дело в каких-то несбалансированных биохимических реакциях или в том, что новый этап бодрствования наверняка обещает какой-нибудь предлагаемый жизнью нескончаемый квест. Но сейчас я ещё и собираюсь совершить унылый и одновременно идиотский поступок, поэтому удержаться от резкого побега в обратном направлении стоит серьёзных усилий.

А потом приходится приземлиться в зоне для частных летательных аппаратов, вытерпеть несколько американских улыбок, адресованных распознанному системой доблестному защитнику Земли, смириться с полётом в такси, не позволяющем переключить себя в ручной режим управления, и перешагнуть порог дома, прекрасно обходившегося без меня практически семь лет.

Вроде бы они заменили всю мебель. Женя выкрасилась в тёмный цвет и стала ещё больше похожа на женщину

из конца XX века. Стивен, кажется, начал сесть. И у них появился огромный флегматичного вида белый кот – его мне представили как Франческо. В честь Петрарки, ага... чего ещё ожидать... Кот молчит, восседая на полированной антикварной столешнице, а супруги поддерживают диалог фразами, достойными первых страниц англо-тулисанского разговорника, составленного в превентивно политкорректном ключе на заре налаживания межпланетных отношений.

Игнорирую большую часть беседы и переключаюсь на племянницу: вручаю ей подарок – причудливый минерал с Ёжика. Ритка сказала, это хорошая идея, а Сашка так и во-все обиделся, что я не привёз ему такой же... На самом деле привёз, просто наслаждаюсь реакцией...

Вроде бы презент у девочки отторжения не вызывает...

Занудно рассказываю о своей миссии, опасаясь вопросов, ответы на которые придётся адаптировать для её возраста. Потому стараюсь излагать в романтическом стиле – выходит не очень... Да и сама тема беседы не показалась Мелиссе привлекательной изначально – что подтверждает заданный невпопад вопрос:

– Дядя Иван, а теперь ты найдёшь себе девушку?

Смеюсь:

– Как это относится к космосу?

– Ну... – Её щёки краснеют.

– Я прилетел сегодня на «Гермесе». Хочешь, покатаю тебя? Точно такой же космолёт был у меня на Ёжике.

– Ваня, ну ты же знаешь, что дети на эти летательные аппараты просто так не допускаются! – обрывает Женя, сталквивая Франческо со стола и с глухим звуком водружая вместо него огромную ёмкость с салатом.

Уже открываю рот, чтобы катастрофически аргументированно возразить, но ребёнок протестует:

– Я правда не хочу! Не люблю летать!

– О... А что ты любишь?

– Строительство! Пойдём покажу!

Улыбаюсь, вспоминая конструкторский беспредел, который творился в комнате у Алекса, когда мне было десять лет...

Но не особенно удивляюсь, увидев вместо небоскрёбов и хитроумных мостов пару многоэтажных кукольных коттеджей. Как-то Тихорецкий соорудил один такой для Ритки – но мы с ней населили его робозлодеями, которых я криворучко по-детски запрограммировал: хотел, чтобы они вырабатывали сложные стратегии взаимодействия... Вместо этого они в кратчайшие сроки разнесли коттедж до основания... Как мы с ней скрывали потом происшествие от Алекса – отдельная история...

Окончательно погружаюсь в воспоминания, вполуха потребляя истории обитателей кукольных особнячков.

А потом так же отрешённо участвую в семейном обеде, незаметно скармливая оккупировавшему мои колени Франческо креветки из салата. Просыпаюсь только от вопроса:

– Ваня, это правда, что командование объявило войну расе двадцать шесть?

– Боже мой, Женя, нет! О расе просто особо ничего не известно.

– Говорят, они могут быть носителями просветления, новой философии. Примиряющей, объединяющей Вселенную, открывающей глаза! Борьба бессмысленна, оружие против них бесполезно. Что ты думаешь, Ваня? Ты встречался с расой?

– Не встречался. Бредятина! Кто хоть говорит это всё?

– Девочки из нашего... клуба по интересам.

– Хых... ну хорошо хоть не мальчики...

Стивен осаживает меня нервным предупреждающим жестом.

После трапезы мы покоряем ближайšie к побережью воды на его забавном катерке. Ребѐнку (а значит, к счастью, и Жене, потому что услугами няни они пользуются только в крайних случаях) опять нельзя участвовать: вроде как в ноябре ближе к вечеру морской воздух имеет какие-то недопустимые для детей характеристики...

Есть ли у Стивена топовая яхта из каталога, реклама которой проецируется повсюду в местном аэропорту, я не в курсе и спрашивать не хочу... Достаточно и того, что он понимает: мне это неинтересно.

А я понимаю, что ему не особенно интересен шурин, не имеющий никакого отношения к среде, в которой он фак-

тически существует. Поэтому мы перекидываемся немногословными репликами о Петербурге – городе, где он бывает довольно часто по своим связанным с высоким искусством делам.

– I wish to be in your place sometimes, – в какой-то момент ошарашивает Стивен, нерешительно улыбаясь.

– What's that? To be born in Peterburg? – пытаюсь связать с остальным разговором.

– To spend few years in space, – усмехается он.

– It's hard to get a decent sleep over there! – не теряю надежды отшутиться.

– I've got enough sleep, enough for a lifetime.

Ясно... Но не я же тебя заставлял... Догадливо трясую головой, транслируя согласие, но развивать тему не рвусь.

А когда под вечер мы возвращаемся в коттедж, я, утомившись и почти растеряв запал неприязни к этому несчастному визиту вежливости, начинаю уже верить, что сестра с горем пополам смирилась с фактом моего реального существования, но всё-таки получаю Разговор – очередной из сотен, от большинства которых я смотался уже на третьей фразе:

– Ваня, ты не думал о том, как совершить что-нибудь во благо человечества? – стряхивая кота с диванной подушки, начинает Женя.

– Я всё ещё недостаточно сделал для человечества? – Устраиваюсь прямо на краю журнального столика, вытянув ноги и стараясь достать ими до кадки с каким-то непонят-

ным растением.

Франческо тут же с энтузиазмом взбирается по моим гражданским штанам, больно цепляясь сквозь не особенно высокотехнологичную ткань когтями в попытках балансировать своим немаленьким телом.

Стивен, по шею увязший в мохнатом кресле, украдкой посмеивается: он всё ещё плохо говорит по-русски, но определённо улавливает сейчас мою мысль.

– Ну хотя бы... С твоим заработком ты мог бы уже немного заняться благотворительностью или... меценатством. По-прежнему не интересуешься подлинным искусством? Пора хотя бы до этого дорасти.

– Я родился уже выросшим из этого, Женья.

– Так надеялась, служба вдали от дома тебя хоть чему-то научит! Уважать человеческие ценности!

– Что, прости?

– Душевная щедрость, душевное тепло – для тебя пустой звук! Семья, наконец! Всю жизнь будешь строить мне такие гримасы?

Я просто молчу. Молчу и размышляю о том, что, может, для меня и есть вещи, которые не «пустой звук», даже в области «подлинного искусства», но мало что оказывается настолько же отвратительным, как обсуждать их с собственной сестрой.

– Думаешь, до ста лет сможешь вести себя как мальчишка? – не унимается она.

– Женя, – выплёвывая в манере, от которой Франческо спрыгивает на пол, а Стивен подаётся вперёд, готовый в любой момент не дать мне совершить какой-то резкий манёвр. – Во-первых, на носу XXII век! Если ты не прекратишь жить в иллюзиях, твоему ребёнку потребуется тридцать лет, чтобы освоить все знания, накопленные человечеством... Я уж молчу о психологических эффектах. Личное пространство, адекватная социальная адаптация. Мелиссу надо отдать в пансион! И мне пофиг, что ты всё равно сделаешь по-своему. Я тебе сказал – и умываю руки!

– Фыф... это вообще не твоё дело! Воспитатель выискался!

– Душевное тепло! – продолжаю, вскакивая на ноги. – Даже если бы ты была на него способна, ты не была бы единственным его источником на планете. Но, сколько себя помню, за душевное тепло ты принимаешь собственное малодушие!

– Ты ещё будешь меня поучать?! – взвизгивает она, вскакивая и надвигаясь навстречу. – Мистер Всё-Под-Контролем! Вот что дала тебе хваленая социальная адаптация и поощрение самостоятельности. Ты на ней помешался! Тебе не страшно? Кому ты нужен, если не хочешь научиться жертвовать своим эгоизмом?

О да, снова о том, как я не умею обходить острые углы. Сама она достигла такого мастерства, что углы исчезли насовсем и всё вокруг отполировалось до склизкости, даже при-

валиться не к чему...

Не сомневаюсь, я прав. Но выгляжу как герой, залипший в ширпотребном сюжете, противопоставляя свою высокую сознательность беспробудной косности окружающих... Что ещё более забавно, сестрица наверняка воспринимает расклад точно так же – только со своей стороны. Ну и как тут не расхохотаться от души?

Да плевать.

В буквальном смысле взмахиваю рукой, обозначая напрасность продолжения. Хозяин дома вздрагивает, Франческо, с перепугу рванув с места, удирает в непонятном направлении, поскользываясь на глянцевом полу, Женя стремительно исчезает из комнаты.

Но когда я, пожав протянутую Стивенем руку, задумчиво смотрю на отражение убитого дня в огромном зеркале в холле, она появляется – с вычурной бутылкой вина в обнимку.

– Женя, я, скорее всего, больше не приеду, – исчерпываю несколько десятилетий одной фразой.

– Да уж поняла. Маргарите... передавай привет.

Ну конечно... и забыл... Как удержаться сейчас, ёлки-палки...

– Рита прекрасно обойдётся без такой щедрости от тебя, – говорить это вслух – уже лишнее, но ничего не могу с собой

поделать.

– Ну ты-то хоть раз можешь воспользоваться моей щедростью! Стивен специально для тебя привёз это вино... – Протягивает бутылку. – Такое есть только в коллекциях самых высокопоставленных...

– На базе – сухой закон, – отрезаю я, напяливая куртку, и скороговоркой шепчу для Стивена: – Извини, пожалуйста.

– Ваня, ты давно уже не на базе! – окончательно срывается она, но я плотно закрываю за собой дверь и больше ничего не слышу.

20 сентября 2096 года, Ёжик

Плотно закрыв за собой дверь, не слышу, как Том приводит в порядок каюту Межнякова, стараясь не оставить следов своего присутствия на базе, – я занят сканированием тулисианского подарка всеми доступными мне средствами. Вывод: это просто часы. Правда, зашитый в них идентификатор – вовсе не стандартный товарный код модели. Что он означает – у меня есть только одна версия, но совсем уж нелепая, лучше даже не формулировать. К тому же система отказывается его читать. Ну, в конце концов, неопознанные идентификаторы сами по себе не способны причинить вреда...

Надеваю часы и вытягиваю локоть вперёд, одновременно увеличивая фото на стене и сравнивая себя нынешнего с собой десятилетней давности. Руки стали какими-то жилистыми, как будто я здесь целыми днями гантели тягаю...

– А если придётся выбирать?

За последние три дня я почти привык к философским вопросам, настигающим из-за спины, но беда в том, что они становятся всё более отвлечёнными...

– М?..

– Из твоих друзей. В... опасном положении. К примеру сказать, если придётся извлекать... из-под завалов после взрыва... Не предполагал?

– А... предполагал, конечно! Сначала вытащу Риту. У Алекса больше шансов выбраться самому.

– А они?

– Хех... Ну, Алекс тоже выберет Ритку. А её саму – если такая ситуация вообще возможна – я заставлю выбрать Алекса. Мне... скажем так, нельзя ронять честь мундира.

– Земляне... – протягивает Том со вздохом. – А... если бы Алекс тоже был женщиной?

– Думаю, он бы тогда сильно комплексовал из-за размера своих туфель... Ты все улики уничтожил?

Рассеянно кивает, а через двадцать минут я, подкинув пришельца до звездолёта, скомканно помахав и параллельно подчищая регистрируемые данные сенсоров, наблюдаю за тем, как он освобождает планету от своего присутствия, а меня – от интересного общения, смешанного с необходимостью постоянно быть начеку. То есть ещё сильнее быть начеку, чем обычно...

Пограничных пунктов вроде Ёжика, контролируемых Землёй, всего пятьдесят шесть, причём семнадцать из них находятся в сфере ответственности российской стороны, из этих семнадцати на пяти настолько бурный трафик, что в штабе вынуждены вручную контролировать происходящее там практически в режиме реального времени. На меня же, к счастью, обращают не так много внимания, а о манипуляциях с искусственным интеллектом базы не догадываются. Хотя иногда мне кажется, что это до поры до времени... Тех-

нически мои действия – преступление против Содружества населённых планет. В то же время Земля не захочет себя дискредитировать, предав огласке такие вещи, а у нас в штабе не захотят дискредитировать российское влияние в системе... Что не помешает так или иначе разобраться со мной лично. Алекс, конечно, догадался (в отличие от Межнякова, которому просто-напросто по барабану всё, что расположено дальше его носа) и, хотя мы никогда не обсуждали, явно разрывается между сопереживанием азарту и беспокойством о последствиях. Но, в общем, я делаю это вовсе не просто потому, что могу. Шесть лет знать, что каждый мой шаг кто-то отслеживает, – нестерпимо, и всё тут. И как штабные спецы по психике меня не раскусили...

Паркуясь возле базы, вспоминаю странную сентенцию о путниках, разделивших время... Не думаю, что совершил ошибку. Скорее – сделал то, чего не следовало. То, чего не следует делать, и ошибки – разные вещи, если даже не противоположные...

Привскакиваю, когда входящее сообщение оказывается приветствием от полковника Гончара:

«Ваня, настораживающая информация».

«Слушаю, Пётр Николаич».

«На всех заставах вы отразили попытки проникновения однотипных кораблей. Спецы у нас решили, что это звездолёты расы двадцать шесть».

«И?»

«И?! Расы двадцать шесть, Кузнецов! Ты меня понял?»

Торопливо стягиваю скафандр, чтобы не вызывать лишних вопросов о моих прогулках, если он захочет пообщаться не только текстом.

«Понял, но этого следовало рано или поздно ожидать. Все такие случаи – с нулевым ответом на запросы – мы списывали на идиотов или психопатов в космосе. Разве их может быть столько?»

«Во всех тех случаях корабли оказывались произведёнными в Содружестве».

Не буду с ним спорить...

«К чему мне готовиться?»

Поспешно перемещаюсь в главный отсек и изучаю обстановку: в подконтрольной зоне всё спокойно.

«К атаке, к чему ещё! Корабль уничтожить сразу, не вступая в переговоры. Программу мы изменили, но будь бдителен».

Да они там за дурака меня держат?!

«Пётр Николаич, давайте уж начистоту! Если говорящие тараканы, или из кого там состоит эта хренова раса, обладают хотя бы минимально приближенным к человеческому восприятием, и даже если не брать в расчёт захваты наших кораблей, о которых не шептались только младенцы, вы же понимаете, что они не по сотне своих сородичей втиснули на борт каждой тарелки и отправили к нам под прицел в остросюжетное туристическое путешествие?»

«Я тебе поёрничаю, Кузнецов! Вопросы по существу есть?»

«Да, есть вопросы по существу: как я смогу в штатном режиме базы отразить атаку тысяч, очевидно, виртуальных муляжей, которые они ещё вышлют? И какого рожна я должен это делать, если я так только ускорю для них процесс сбора информации о том, как устроена система?»

«Связь включи».

Полковник Гончар со следами сорокавосьмичасового недосыпа на лице вычерчивается посреди отсека и гарпунит меня взглядом:

– У них может быть иное восприятие времени, Ваня. Рано паниковать. Программу мы изменили, ты справишься.

– Что вы знаете о расе, Пётр Николаич? Зачем им понадобились мы, кто они такие?

– У тебя нет полномочий на доступ к данной информации. Хорошо, что я слышу его уставший голос и вижу выражение лица, иначе бы сейчас просто взорвался.

– А какие у меня есть полномочия?! Втухать здесь и бездумно на кнопки давить, пока они мне всё к чёртовой матери не разнесут?!

Он дважды ожесточённо сжимает губы, выбирая между здравым смыслом и субординацией, а потом всё-таки выдаёт пояснение:

– В общем, так. Почти факт – у них либо иное восприятие времени, либо растянутый во времени план. Раз ты у нас та-

кой умный, можешь сам проанализировать все случаи.

– С якобы нашими кораблями?

– Ты, что ли, в самом деле не соображаешь, когда надо заткнуться?! – рявкает он, качнувшись вперёд.

Прикусываю язык, инстинктивно откатываясь от голограммы.

– Ну, – подытоживает удовлетворённый произведённым эффектом Гончар, – всё ясно?

– Почему они опасны?

Полковник издаёт подобный рыданию звук, символизирующий, наверное, отчаяние:

– Ваня... ты на службе, а не в киношке вашей интерактивной... Я тебе уже двадцать минут приказ разжёвываю. У тебя, что ли, альтернативные варианты действий есть?! Хватит, выполняй! Всё будет в порядке, не дурнее тебя здесь сидят.

– Ладно... есть то есть.

Он отрывисто кивает и отключается.

Итого. Они не знают, что делают. А у меня нет другого выбора: информация отсутствует полностью и отсюда я её не получу.

Просто жесьь какая-то.

31 декабря 2098 года, Земля

Просто жуть какая-то... В прямом смысле. Зацепился ногой за изогнутый кусок металлолома и теперь убеждаю его оставить мою штанину в покое.

– Ва-аня! – кричит Ритка. – Ну куда ты убежал?! Опять несётся, как снаряд из пушки!

– Нам вообще-то в другую сторону, – смакует мой промах Тихорецкий.

Мы встречаем Новый год на стройке – не сказать чтобы по традиции, но далеко не в первый раз. Матерясь про себя, отпихиваю железяку и пробираюсь уже вслед за друзьями к подъёмнику.

Сорок минут назад мы с Алексом ворвались к Ритке с обычным «Ну, ты с нами?».

– Конечно! – подскочила она к зеркалу, наскоро скручивая в компактную конфигурацию свои бесконечные волосы. – Какая программа: с парашютом с обзорных площадок прыгать или на шпильях парковаться? Рано или поздно, Алекс, тебя всё-таки уволят!

– Не уволят, он лучший проектировщик в городе, – как обычно, ответил я, и мы залезли в персональный кар Тихорецкого и взяли курс на юг, где строится квартал «Тосно-XXII». Римские цифры в названии символизируют XXII век, который наступит через год, как раз к планируемому за-

вершению строительства, – придумать ничего поизобретательнее брендмейкеры не смогли. Комплекс будет состоять из семи небоскрёбов, соединённых между собой затейливыми галереями. Сейчас всё это добро готово примерно на две трети.

Машину мы оставили внизу, чтобы в полной мере проникнуться здешней обстановкой (или потому что Алекс не стал рисковать каром). Строительный подъёмник, который пока заменяет в здании лифт, выглядит впечатляюще, как всегда. Я борюсь с приступом тошноты, вцепившись в перила и напряжённо косясь на удерживающие его конструкции. Алекс ухмыляется, бессовестно закуривая прямо в потенциальном поле зрения городской системы слежения. Ритка выглядит жизнерадостно и чуть не пляшет посреди слегка покачивающейся пятиметровой люльки. И откуда только это берётся, учитывая наш бэкграунд... женщина-загадка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.